

ЕЛЕНА
КНЯЖИНА

16+

ЧУДОВИЩНЫЙ
СЕКРЕТ АВРОРЫ
ИЛИ
МАГИСТРА НЕ ГЛАДИТЬ!

Дикая магия

Елена Княжина

**Чудовищный секрет Авроры
2, или Магистра не гладить!**

«Автор»

2022

Княжина Е.

Чудовищный секрет Авроры 2, или Магистра не гладить! /
Е. Княжина — «Автор», 2022 — (Дикая магия)

В Академии творится тролль знает что! Тайный вредитель нападает на бесценных магических тварей. И это накануне приезда важной комиссии из столицы. Новый магистр (плотоядных шурхов ему повсеместно!) вздумал наводить свои порядки. Зеленоглазый горе-пророк уверяет, что нам с ним что-то там суждено. А в мыслях засел незнакомец в маске волка, играючи спасший мне жизнь и укравший первый поцелуй... И десертной вишенкой – неудавшееся зелье мисс Рид, сдетонировавшее на весь трапезный зал и превратившее мою жизнь в кошмар.

Содержание

Глава 1. О вреде спешки в гадании на суженого	5
Глава 2. О малыше Джадди и неловкой беседе	10
Глава 3. О рычагах, ловушках и неполноценных каплях	17
Глава 4. О незаконном вторжении в чужую спальню	22
Глава 5. О липких потолках, наглых лапах и неумении врать	31
Глава 6. О тайных встречах под луной	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Княжина

Чудовищный секрет Авроры 2, или Магистра не гладить!

Глава 1. О вреде спешки в гадании на суженого

Дорогие читатели! Эта книга – продолжение истории. Начинать знакомство с героями нужно с первой книги – «Чудовищный» секрет Авроры, или Магистра не дразнить!».

***

– Ава, ты снимаешь? – одернула меня Софи.

Я потрясла головой и окинула растерянным взглядом гостиную Пункта Связи магов-миротворцев. Или, если по-свойски, – дома бабушки Джулс и дедушки Артура. Не сразу вспомнила, где я. И с кем. Но не так важно где, главное, что не там. И не с тем.

Сама не заметила, как провалилась в тягучие размышления, в которых, как и всегда, фигурировал лохматый волк в черной маске... Ехидно что-то рычащий в мое ухо и повсеместно распускающий наглые загребущие лапы.

– И о чем ты опять замечталась, не поделишься?

– Скорее, о ком, – меланхолично поправила Джил, присаживаясь к нам на ковер и ставя перед камином увесистый тазик с зефиром.

Я скорчила подругам рожицу, намекающую, что даже если и «о ком», то это личное и совершенно секретное. Не поделюсь. И сняла, наконец, колоду влево.

Потрепанные временем карты мы обнаружили на чердаке, а бабушка Джулс, замешивая тесто на пирог, рассказала, как их использовать. Я рискнула стать первой подопытной. Софи только училась гадать, поэтому делала все медленно и неуверенно.

– Зря вы затеяли это сейчас, – флегматично заявила Джиллиан, протыкая длинной шпажкой зефир и засовывая в пламя камина. – Могли бы и потерпеть до Рождества. Зачем дергать Судьбу по пустякам? Да еще раньше положенного времени...

– До Рождества? Полтора месяца? Я не выдержу, – пользуясь замешательством Джил, я отобрала у подруги шпажку с дымящейся и шипящей на все лады зефириной и, обжигаясь, надкусила лакомство. – Ай! Боги, горячо-то как!

– Это потому, что ты торопишься. Как, впрочем, и всегда, – занудно уведомила меня подруга, отхлебывая пряный чай и нанизывая на шпажку новую порцию.

– Жизнь бывает очень короткой, – я важно задрала нос. – А я должна все успеть. Так что пускай Судьба откроет мне свои карты сегодня. Софи... Ну что там?

– Ну... вот, – юная волчица смущенно кашлянула, махнула жезлом и на ковер передо мной опустились три карточки. Они изображали мужчин, якобы обязанных появиться в моей жизни.

Так себе варианты, надо сказать. Троль меня вообще дернул гадать на суженого? Меня ведь совершенно не тянуло к размножению! Вроде как.

Хотя последний месяц внес в ситуацию некоторые коррективы. Но я старалась о них не думать.

Так сильно старалась, что на гладком лбу вторая мимическая морщинка появилась. Если так и дальше пойдет, к маг-совершеннолетию я подойду скукожившейся изюминкой.

Карты. Карты...

Первый кандидат был уставший, лохматый и израненный в лоскуты. Второй, в серебряных латах, имел на лице столь пафосное выражение, будто только что одолел дракона и притащил его голову Прекрасной даме. Словом, подарки выбирать он не умел.

Третий, закутанный в длинный черный плащ, размахивал перед моим носом мечом. А еще у него на надменной темноволосой головушке как влитая сидела корона.

– И это все? – недоверчиво поглядела я на Софи. – А нет кого-нибудь попроще? Без корон, ран и драконов?

– Есть, да не про вашу... – мстительно промычала Джил, уплетая горячий зефир. – Давайте заканчивать с гаданиями. У меня какое-то нехорошее предчувствие из-за всей этой затеи.

– Ава, ты что, снова заснула? – хихикнула Софи. А я продолжила заворуженно пялиться на нарисованных мужчин.

Я знала, что нужно подманить к себе выпавшие карты и дожждаться, пока истинный сюжетный прилетит в руки. Но я зачем-то тянула. В животе волнительно скручивался комок, сердце начинало биться чаще приличного... Вот что за ерунда со мной творится?

– Очень интересно, – протянула бабушка, отряхивая руки от муки и вытирая их о фартук. – Такой расклад я уже видела однажды. У твоей матери, Аврора.

– Похоже, Судьба решила подшутить, – сделала вывод Джил и скептически уточнила: – Ба... Вот неужели ты тоже во все это веришь?

– Как же не верить, когда оно сбывается? – удивилась бабушка, возвращаясь на кухню к тесту. И по пути добавила: – У Дженивьевы до сих пор никак не прекратит...

– Что не прекратит? – переспросила подруга.

– Сбываться, – рассмеялась хозяйка дома и ткнула пальцем в окно. – Воин не воин, фермер не фермер... А ведь целая корзина уродилась. Как и было обещано.

По саду носились два рыжих оболтуса – братья Джил. Их мать, старшая леди Кавендиш, ворчливо отчитывала негодников, стащивших садовые инструменты и превративших их в щиты и мечи. Затем безуспешно пыталась занять балбесов делом. Но через минуту, признавая поражение, закатывала глаза. Ничего нового.

Дэнни в этом году поступил на первый курс, а одиннадцатилетний Бо ему отчаянно завидовал. И оттого с утроенным азартом провоцировал на драки. Так уж вышло, что Бо, несмотря на разницу в годах, вышел покрепче худощавого и мечтательного Дэна.

Правда, в присутствии брата старшего словно подменяли. И мечтательность рассасывалась. Эти двое могли в четыре руки перевернуть Пункт Связи вверх дном, поэтому бабушка выдворяла их в сад на целый день. Впрочем, они и там находили, чему нанести ущерб.

Слава троллям, Бо в Академию еще только через два года. Авось мы с девочками успеем доучиться в ее целых стенах... Если, конечно, я сама их каким-нибудь неудачным экспериментом не разрушу.

Единственный, в чьем присутствии два балбеса вели себя спокойнее, был Арт. Но сегодня мой доблестный брат отсутствовал. Он вообще частенько стал пропадать из виду по вечерам.

– Надеюсь, следующей будет девочка, – тяжело вздыхая, Джил через стекло разглядывала приличных размеров живот своей матери. Пополнение семейки опальных лордов-фермеров ожидалось в конце декабря. – Со мной у родителей не было никаких проблем. А эти «парнокопытные» каждый сезон по весне половину наших грядок вытаптывают. Хуже камнехвостов!

– Девочки тоже бывают разными... – усмехнулась бабушка Джулс и покосилась почему-то на меня.

А я что? Я грядки не вытаптываю. Напротив, с большим трепетом отношусь к магическим растениям. А то, что зелья временами взрываю и тигрицам эпиляцию устраиваю, – так это ведь максимум моих вредительских способностей. Сажель меня уже простила, и шмырлы оттаяли.

Я даже магистру на голову старалась падать пореже! Все еще испытывала жгучую неловкость после произошедшего в Индии. Правда, Салливан компенсировал мои старания тем, что сам постоянно возникал на пути. И, как правило, там, где его совершенно не ждали!

К примеру, он начал появляться в Пункте Связи. Как раз в те дни, когда там бывала и я. И это озадачивало.

Моя рука настойчиво просилась к темному принцу на дальней карте. Словно ее манило что-то, родное и неизвестное одновременно.

Нестерпимо захотелось вдруг погладить мужественное лицо, поправить разметавшиеся по лбу волосы, потрепать развевающийся плащ, оценить остроту меча. Нетерпеливо закусив губу, я протянула ладонь к заветному мужчине.

– Ай! – вскрикнула, получив весьма болезненный хлопок по пальцам.

– Так нельзя, – возмущенно засопела Софи. – По правилам приманивают жезлом, а не хватают того, кто больше понравился.

– Дурацкие правила, – проворчала я, морща нос.

Сейчас, глядя в темный лик мужика с короной, мне было не по себе. А что, если выпадет кто-то другой? Бабушка Джулс говорит, что гадание на суженого всегда сбывается.

Смогу ли я смириться с судьбой, если ко мне прилетит вот этот смешной юноша в серебряных латах с пафосным выражением лица? У его глаз и кожи имелся подозрительный зеленоватый отлив. Это как-то нервировало. Может, конечно, свет от камина неудачно падал или у меня от ошпаренного зефира галлюцинации начались, но...

– Уж какие есть, Ава, – насмешливо «объяснила» зануда Джил, запекая новую порцию зефира. – Правила заведены самой Судьбой. Или ты играешь по ним, или лучше вообще не лезть в дебри предсказаний. Это не шутка.

– Это гадание! – я закатила глаза, покручивая жезл в руке. – Что может случиться?

– Она щелкнет тебя по носу так, что мало не покажется.

– Я просто хочу прикоснуться! Потрогать. Не знаю, почему. Мне надо.

Я просительно посмотрела на подруг, не зная, как еще объяснить странный зуд во всем теле, подталкивавший меня к загадочному принцу в черном. Хмурому и такому строгому, что хотелось выписать ему шурхов повсеместно. И это... волновало.

Интересно стало вдруг послушать, как он будет меня отчитывать за очередную глупость. Первые признаки врожденного мазохизма? Возможно, возможно.

– Нельзя!

– Я только посмотрю, какой у него цвет глаз, и верну на место. Отсюда не видно. А мы потом Софи погадаем. По правильно-правильным правилам, – азартно пообещала я, протягивая заgreбущие пальчики к карте. И снова получила по ним деревянной шпажкой. – Ай!

– Я, пожалуй, Рождества дождусь. Джил права, – смущенно пробормотала волчица. Интересно, кто выпал бы ей? – И тебе не стоило, но раз уж начали...

– Мне не терпелось.

– Тебе всегда не терпится.

– Потому что неугомонная, – вздохнула Джиллиан, ставя печальный диагноз. – Судьба делает все вовремя, не стоит ее торопить.

– Это слишком философски для меня. Я еще не так мудра, – фыркнула и, пользуясь тем, что Джил отвлеклась на зефир, схватила заветную карту. – Вот так. Видишь: все нормально.

– Положи на место, – зашептала Софи и обеспокоенно посмотрела на потолок. Словно оттуда должна была ударить молния или что-то в этом роде.

Но ничего не случилось. В гостиной все так же трещал камин. За окном завывал ветер, пригибая к земле деревья и срывая с оголенных ветвей последние листья. Похоже, Судьба-богиня отвлеклась на более интересные события и проморгала трех нарушительниц ее незыблемых правил.

Не произошло совершенно ничего. Разве что гадкий принц прикрыл глаза, стоило мне поднести карту к лицу. То ли отказывался на меня смотреть, всем видом осуждая вопиюще наглый поступок. То ли просто вредничал.

Я недовольно зарычала и вернула карту на ковер. Джил хрюкнула в кулачок, но ничего не сказала. И слава троллям.

– Ладно, как там... по правилам... – побежденно пробормотала я, раскрывая ладонь и прикладывая к ней именной жезл. – Суженый, ниспосланный мне богиней Судьбой, приди.

Карты не шелохнулись. Я нахмурилась.

– Приди! – велела погромче, раскрывая ладонь пошире.

Все три слегка дернулись, но от ковра не оторвались. Намекали, что жизнь я окончу в одиночестве в компании пятнадцати шмырлов и пяти саберов. Сильная и независимая.

– Ну... Эй! – я нетерпеливо тряхнула в воздухе рукой, и все три карты взметнулись вверх. Закружились, завертелись в причудливом танце в полуметре над полом.

Джил нервно забормотала, мол, говорила она: не к добру. Софи прикрыла рот ладошкой. А я, потеряв остатки терпения (откуда оно вообще во мне взялось? Отродясь же не было!), дернула ладонью сильнее.

– Приди! А не то я сама за тобой пойду, хуже будет... Я знаешь, какая упрямая? – буравила глазами зависшую в воздухе карту с черным принцем. Прочие две парили там же и с опаской посматривали на мою ладонь. И долго мы еще в гляделки будем играть?

Наконец, все снова пришло в движение. И к моей руке, закрутившись, направилась одна из карт. Из-за мельтешащих рубашек было не разглядеть, которая. Сердце тренькнуло взволнованно и замерло... Пальцы дрогнули, едва их коснулся край нарядно украшенной картонки... Но ухватить я не успела.

Вихрь, воздушным торнадо прокатившийся по гостиной, разметал все.

Вообще все!

Карты полетели в одну сторону, тазик с зефиром – в другую. Полено, тлевшее в камине, резко вспыхнуло и совсем погасло.

На мгновение в доме стало темно, но потом кто-то менее растерянный, чем я, щелкнул выключателем на кухне, и очертания перепуганных насмерть подруг выплыли из мрака.

– Какого тро-о-о...

Из бабушкиного сундука, испуганно взвизгнув, выпрыгнул Бойз. Боги, надеюсь, он там не шурхов вылавливал. Второго нашествия я не переживу.

Сабер подскочил ко мне и прижался к боку пушистым телом. То ли защищал, то ли думал, что рядом со мной безопаснее. Наивный.

– Салливан, – проворчали вдруг папиным голосом из столовой. – И снова без стука...

– Кто бы говорил, – фыркнула бабушка Джулс, зажигая свет и в гостиной тоже.

– Так быстрее, Андрей Владимирович. Судя по теле-маго-грамме, вопрос был срочным.

От последнего голоса сердце ушло к пяткам, и я съежилась рядом с Бойзом. Может, за полным песком меня не заметят?

– Добрый вечер, юные леди. Прошу прощения за беспорядок, никак не приноворююсь к этим координатам. Курс то и дело сбивается.

– Добрый вечер, магистр, – первой взяла себя в руки Джил. – Это неудивительно, сэр: на доме сотня защитных чар.

– Здрассьте... – прошептала перепуганная Софи, подгребая к себе близлежащие карты.

Я молчала, старательно мимикрируя под песца.

– Не рановато вы затеяли гадания? – насмешливым тоном спросили у моей спины, и она сгорбилась ниже, практически распластавшись по ковру. Че-е-е-ерт.

– Есть тут у нас одна нетерпеливая, – флегматично выдала меня Джил, возвращая на место корыто с зефиром.

В поле зрения возникла лапа шурхового тролля: она поднимала с ковра карту, приземлившуюся рядом со мной.

– Положите немедленно! – нервно вскрикнула. И добавила шепотом, сглатывая неловкость: – Н-нельзя... Т-трогать... Гадание еще не завершилось. Правила такие.

Да-да, разумеется, дело было именно в правилах. В чем же еще?

Не в том же, что я до смущающей дрожи боялась, кого именно мужчина увидит, перевернув карту картинкой вверх?

Хотя я, тролль свидетель, все себе нафантазировала. Во-первых, этот нарисованный вредный принц был совершенно непохож на... Ни на кого он не был похож, в общем. А во-вторых, он до меня даже не долетел.

– Похоже, гадание все-таки завершилось, княжна.

Мне продемонстрировали поднятую карту: с обеих сторон на ней была одинаковая «рубашка». Кто бы там ни был до этого – надменный принц, потрепанный воин или пафосный рыцарь, – он сбежал. Подальше от лапок Авы-катастрофы. В отличие от безрассудного Бойза, «суженый» быстро сообразил, что со мной лучше не связываться.

– Вот вечно вы все!.. – я решительно подняла глаза, с разгона врезаюсь в насмешливый серый взгляд. И слово «портите» застряло в горле. Ни туда, ни обратно.

– Сочувствую, что лишил вас столь бесценной информации, – без единой сочувствующей нотки в голосе выдал шурхов тролль. – Я не намеренно.

– Еще бы вы намеренно меня ее лишили! – фыркнула, запуская подрагивавшие пальцы в шерсть полного песка, который всегда тут как тут, когда надо. – Информации... в смысле.

Что магистр вообще забыл в Пункте Связи миротворцев? Неужто папе больше пообщаться не с кем, кроме как с Салливаном, в вечер выходного дня, который еще минуту назад был таким чудесным? У нас тут, между прочим, свой «клуб по интересам». И некоторым троллям бывать здесь совершенно необязательно.

На мой взгляд, отцу с Салливаном вообще общаться противопоказано. Они могут научить друг друга плохому.

Я растерянно посмотрела на хаотично разметавшиеся по полу карты Судьбы. Мое будущее снова скрывалось от меня, не желая дать даже намек.

– А можно заново погадать? – уже предвкушая ответ, жалобно спросила у Джил.

– Нет, Ава, следующий раз – не раньше Рождества. Запрещено взывать к богине слишком часто.

– Бла-бла-бла...

– Я серьезно!

Ну вот! Богиня снова показала мне свою роскошную филейную часть. Почти синхронно с Бойзом, расслабленно развалившимся на ковре. Магистр внушал ему доверие, и сабер перестал разводить панику.

– Но я не получила ответ, – возмутилась я, исподлобья косясь на виновника моей беды. Не на сабера, конечно, а на Салливана. – А значит, услуга не может считаться оказанной, и вообще...

– Не гневи Судьбу, Ава, – Софи погладила меня по плечу, с тоской поглядывая на лес, окружавший Пункт Связи. – Не всегда все происходит так, как нам хочется...

Завтра очередное полнолуние, а мы так и не уговорили волчицу перебраться в академические уголья. Но она скучала по питерским просторам, это чувствовалось. И не только по ним.

– Соф... А может, завтра все же?..

– Нет. Даже не переубеждайте, – отрезала подруга, решительно поджимая губки. – Не представляю, что должно случиться, чтобы я согласилась снова пройти... через это.

Глава 2. О малыше Джадди и неловкой беседе

– Это ведь ваше, княжна? – Салливан оторвал меня от мыслей о секрете Софи, который она нам так и не раскрыла.

Магистр играл с картой, перекачивая ее между пальцев. С моей картой.

Я подскочила с пола так шустро, что запуталась в длинной шерстяной юбке, пошатнулась и чуть не влетела в ухмылявшегося мужчину. Его опасно приблизившаяся грудь в белой рубашке напугала меня сильнее орды плотоядных шурхов! И я торопливо отшатнулась.

Знаю я этих троллей... вкусно пахнущих... Разок вляпаешься вот так носом, и потом весь день запах удержишь в памяти, перебирая в голове сотни волшебных трав и прогоняя подальше стыдные воспоминания.

– Мое, – я выдернула карту из его нахальной лапы и сунула в карман.

Может, она мне еще откроется? В любом случае, до Рождества гадать никто больше не рискнет, и неполная колода никого не удивит. Придержу пока... поблизости. В надежном месте.

Салливан смотрел на меня так прямо и неотрывно, что хотелось постоянно моргать. Не припомню, чтобы у меня раньше возникала потребность прятать глаза. А теперь не покидало желание скрыться от наглых серых, покрытых равнодушной ледяной корочкой и будто бы что-то знающих. Хоть правда в шкаф лезь или под сабера мимикрируй.

Совершенно нездорово он на меня влиял. Ненормально. И потому дико раздражающе!

Мне нужно было об экспериментах думать. Творческих. О моих шмырлах, вдруг всерьез начавших помышлять о размножении и лежать в сторону друг друга. А где лежат, там завтра и поползти могут! А уж как они строили глазки, обе пары разом...

Еще неплохо было подумать о поиске общего языка с новой главной целительницей Заповедника. О даре, о будущем, о предназначении. О том, чтобы не опозорить, а прославить имя великого рода Карповских... Да хоть бы даже о шурховых кудряшках господина Хайва. И то – хлеб!

Лишь бы не вот об этом вот... смущающем одним взглядом. До дрожащих коленок, до жара в грудной клетке, до сердечного сальто.

Все эти «спецэффекты» можно было списать на очередное отравление (хоть я и сомневалась, что Мика готова была так сразу повторить подвиг, чуть не стоивший ей учебы). Но мама уже трижды провела магическую диагностику! И ничего опасного не обнаружила. Только поглядывать на меня стала странно – то ли с интересом, то ли с подозрением.

А я что? Едва ли я сама могла понять хоть что-то. Кроме того, что вечно не к месту падающий мне на голову Салливан ужасно нервирует и заставляет сердечную мышцу сжиматься в ритме бодрой польки.

За последний месяц я успела смириться с этим прискорбным фактом. И просто избегала компании нудного магистра всякий раз, когда могла себе это позволить. Даже на спаррингах «Магического противостояния» становилась в заднем ряду, хотя обычно вытаскивала Софи в самый центр.

А порой меня одолевали совсем уж неприличные мысли. После которых я вынужденно признавалась себе в том, что, похоже, была бы не против, если бы магистр нарушил данное в Индии обещание.

Но сдержанно-отстраненный вид нудного тролля намекал, что сам он ничего нарушать не планировал. И поцелуй – это «всего лишь поцелуй». Чепуха, которой придают значение только глупые, неопытные девушки, невинные до глубины души.

Тщательно проморгавшись, но так и не позволив себе отвести взгляд, я воинственно сощурилась и сдвинула брови. Нечего на меня глазеть, как на выставочный образец современного искусства!

– Салливан... – густой, низкий голос моего папеньки забрался под кожу всем, включая меня, заставив волосы на затылке зашевелиться. – Вы так торопились сюда попасть, что разнесли половину гостиной, но до сих пор не смогли добраться до столовой. Боюсь спрашивать, что за напасть вас так задержала на полпути? Полчище троллей? Арканы? Камнехвосты? Шурхи? Восставший Блэр?

Губы магистра дрогнули в едва заметной, нахальной такой улыбке. Примерял описания под свалившуюся на него «напасть». Хотя, видит тролль, в этот раз он сам на меня свалился!

Высокий папин силуэт черной тенью показался в дверном проеме. Пытливые глаза поскребли сначала по сопящей бешеным паровозом и воинственно настроенной мне. Затем по совершенно спокойному Салливану. Снова по мне.

Придя к каким-то неутешительным и явно не в мою пользу сделанным выводам, папа устало потер лицо. Так и читалось на нем мрачное: «Ах, эта напасть... Сам страдаю».

– Еще раз прошу прощения за сотворенный беспорядок, юные леди, – выдал магистр, хладнокровно снося отцовский рентген.

Феноменальная выдержка. Другой бы на его месте уже летел воздушным телепортом куда-нибудь в Индийскую пустошь и прятался в гнезде иглохвостов.

Еле сдержалась, чтобы не показать Салливану язык. И не пнуть по коленке. Улыбается он тут, тролль нестриженный!

***

Дождавшись, пока фигура магистра, как-то уж очень органично вписанная в мой родной Пункт Связи, скроется в столовой, я вышла на застекленную террасу и приоткрыла окно. Пышный фикус, разросшийся до неприличных размеров и занявший весь угол от пола до потолка, недовольно поежился.

Начало ноября выдалось морозным, и сад бабушки Джулс успел покрыться тонким снежным палантином. Изнеженным обитателям террасы климат за окном был не по нраву, но мне нужен был глоток свежего воздуха. Да похолоднее. Жар в груди никак не желал проходить, и сокровенная карта прожигала карман.

Но прохлада осеннего вечера не помогла. И мысли не прояснились. Раздраженная при-скорбным фактом, что богиня снова надо мной подшутила, так и не раскрыв своего замысла, я захлопнула окно.

Раз гадать больше нельзя, я найду другой способ узнать свою судьбу! Надоело томиться в неизвестности. Дар, не спешивший раскрыться, начинал беспокоить все сильнее.

Да и что дурного в том, чтобы выяснить, каково твое истинное предназначение? Ведь тогда можно будет не тратить время понапрасну на всякую ерунду и с головой уйти в то, что станет делом всей жизни.

Найти бы где-нибудь рецепт запрещенного зелья Судьбы, о котором рассказывал Эйнар! Его секрет веками оберегают лесные нимфы Румынских Дебрей. Вряд ли они легко им делятся, но личная библиотека ректора хранит много древних книг, считающихся утраченными...

Вдохновленная новой идеей, я направилась наверх, в нашу с Джил комнату. Раз с суженым я пока не знакомлюсь и дар не пробуждаю, самое время навестить моего кроху в горшке. Рано или поздно саженец мага-древа обретет голос и расскажет, кто его подарил. И хоть что-то тайное станет явным.

Возбужденно сопя, я вошла в спальню, бросилась к окну и одернула штору. Фух! Горшок был на месте. Хоть кто-то от меня сбежать не мог. Потому как был вкопан на треть в питательный грунт, щедро сдобренный магическим бульоном.

С нашего визита в Индию прошло больше месяца. Единственное поистине важное событие, которое случилось за это время и которым, как назло, я не могла ни с кем поделиться, – появление на черенке крошечного листочка. Почка проснулась.

Я любовно прозвала его «Джадди». Ведь у всякого живого существа должно быть имя, даже если оно и выглядит, как кусок сухой ветки. Рискованно было выносить его за пределы Академии: маго-дерево требовало сильный фон, и в Пункте Связи его голубые вены-прожилки тускнели. Но я боялась оставлять бесценное Джааду на все выходные без присмотра.

К тому же, малышу не хватало света, и здесь, в доме бабушки Джулс, я могла организовать ему круглосуточную подсветку. Голубой шар парил в полуметре над Джадди, наполняя комнату бледным сиянием даже ночью. Джил мои ботанические эксперименты особо не интересовали. В волшебных травах она не разбиралась и даже фермерством увлекалась постольку-поскольку.

Единственное, что волновало подругу, – чтобы мое экспериментально-горшочное «Нечто» не сожрало нас спящих среди ночи. Но я заверила умницу, что Джадик будет вести себя хорошо. Он ведь еще маленький.

Одиноким листочек возмущенно заворочался. Пока что эти его колыхания и подрагивания были нашим единственным способом коммуникации. Судя по шелесту, капризный малыш был снова чем-то недоволен. Нет сомнений, вырастет он ворчуним похуже Арчи.

– Не ворчи. Самое безопасное место – рядом со мной, – убедительно заверила палку в горшке.

– Я бы не был в этом так уверен, – донеслось сзади, и мы с Джадди одновременно замерли, надеясь сойти за каменные статуи. Вдруг не заметит?

Но шурхов магистр оказался глазастым.

– Что вы там снова прячете, княжна?

– Я у себя дома. Снова, – язвительно напомнила мужчине. Потому что в этих стенах Салливан уж точно был гостем, а я пребывала на личной территории. Являющейся, к слову, нашей с Джил спальней. – Что хочу, то и прячу. А вы, между прочим, вторглись...

– Пока никуда не вторгался, – «удивленно» поднял брови этот невыносимый тролль. – Если не ждете гостей, учитесь запирать двери. Я искал кабинет, ваш отец позволил исследовать его коллекцию карт магических территорий.

– Вы не первый раз в доме. Могли бы уже выучить, что дверь в кабинет – напротив, – фыркнула недоверчиво.

Не похож он на случайно заплутавшего! Хотя вполне возможно, что на второй этаж до этого и не поднимался. И все равно: не похож.

– Это то, о чем я думаю? – он кивнул на побледневший листок, дрожавший на сухом саженце. – Вы снова нарушаете правила и похищаете растения?

– Я не сама! – вспыхнула смущением, сглотнула соленую слюну и поставила горшок на подоконник. Вот только проблем в лице нудного тролля нам с Джадди и не хватало! – Кто-то другой нарушил. И похитил.

– И кто же оказался столь безрассуден, что посмел пойти против законов Индийского университета, не страшась жестокого наказания? – с ехидным блеском в серых глазах уточнил Салливан.

– Не знаю. Подарок не был подписан, – я неуверенно повела плечом. – Но было бы огромной глупостью не попытаться оживить, и я...

– Поставили его на окно в девичьей спальне, – хмуро договорил за меня магистр, косясь почему-то на мою постель.

Именно на мою, а не на ту, что занимала обычно Джил. Вероятно, опознал ее по любимому голубому свитеру, повешенному на деревянное изголовье.

– Да где ж мне еще его хранить? – прошипела, ища ответ во взгляде, искрящемся новой вырывающейся нотацией. – После того, что случилось с Милли, я уже вообще не знаю, кому доверять!

– Если у вас это найдут и сообщат в Индию, доктор Сингх потребует вернуть его «имущество».

– Я не отдам им Джадди, он там не выживет! – я возмущенно топнула ножкой. И закрыла саженец спиной.

Нечего моего малыша пугать своими страшными предположениями. Вон, трясется весь. Зря. Целый месяц мне удавалось растить его втайне ото всех. Даже папенька не заподозрил, куда пропадает грунт из-под монстроглаза.

– «Джадди»? – ухмыльнулся этот тролль, подходя ближе и нахально заглядывая за мое плечо. – Похоже, с подарком вам угодили?

Я промолчала. Покусила губу, потерла щеки. Смушение, будь оно неладно!

Как-то нездорово действовал на меня шурхов магистр. Особенно когда приближался на расстояние, далекое от приличного. И очень близкое ко мне.

– Прячьте своего «Джадди» получше, – хрипло прошептал Салливан в мои волосы. – Иначе проблемы будут у всей делегации.

Ах, вот что его заботит...

– Без вашего совета я бы его спрятать, конечно, не догадалась! – я нервно отвернулась, задернула штору и закрыла тканью обзор. – Не думаете же вы, что мне его подарили нарочно, чтобы бросить тень и...

– Нет, княжна. Так я не думаю, – успокоил Салливан.

Ну как успокоил? Еще больше разволновал, если быть честной. Этот его шурхов голос с хрипотцой, пробирающийся за мой воротник... И взгляд, ощущающийся кожей так ярко, словно к ней прикасалось что-то холодное и горячее одновременно...

Я передернула плечами, намекая, что Салливану пора отчаливать на поиски кабинета. Но мужчина не двинулся. Словно позабыл, что шел изучать какие-то карты. И вместо них теперь с упоением изучал мой напряженный затылок. Куда более интересный, конечно же.

Я тяжело вздохнула. Вот что с ним делать? И сам не уходит, и прогонять, Судьба свидетель, не хочется. Но продолжать принимать в спальне взрослого, холостого, якобы заплутавшего мужчину было катастрофически неприлично.

В любую минуту сюда может подняться Джил или Софи. Или отец отправится на поиски магистра, отправившегося на поиски карт... Тут-то сказочке и конец. Вместе с планами, нераскрытыми дарами, неопознанными сужеными, невыращенными саженцами и неизвестными предназначениями.

– Слушайте, я...

– Ммм?

– Спрячу Джадди получше. Обещаю. Честное гоблинское.

Я закатила глаза, хоть тролль меня и не видел. Но зато мог услышать показательно покладистый тон. Пускай уверует, что я умею быть послушной, и уходит к морфовой бабушке.

Покрытый ледяной корочкой взгляд недоверчиво пощекотал мой затылок. Как бы намекая, что покорность получилась неправдоподобной. Ненатуральной.

– Больше ничего мне рассказать не хотите?

Свет вокруг на секунду померк. Кажется, я впервые в жизни была недалеко от потери чувств. Говорила же, нездорово он на меня действует!

Я пошатнулась, ухватилась за штору и с мольбой поглядела на Джадди. Вот почему он до сих пор не обрел голос? Мог бы рассказать забавный иномирский анекдот и разрядить обстановку.

– О чем? – севшим голосом уточнила у Салливана.

– Ну мало ли... У меня возникло странное чувство, что в последнее время вы меня избегаете.

– Глупости какие.

– Могу предположить, что тот неловкий эпизод до сих пор не дает вам покоя и заставляет смущаться. Но я ведь пообещал. У вас нет поводов для волнений, княжна.

О да. Совершенно никаких поводов. Маринованных шурхов ему на первое, второе и компот!

– Я вовсе не избегаю... С чего вы это взяли? – фыркнула, гордо задрал нос.

– На голову стали реже сваливаться. Происшествий в Академии не устраиваете. Ничего не взрываете, никого спонтанно не размножаете. Вы точно хорошо себя чувствуете, Карпова?

– Превосходно!

– И даже встать с вами в пару на спаррингах больше не предлагаете, позволяя, как вы тогда выразились, «измываться над бедным мальчиком», – задумчиво перебирал Рандор, вгоняя в краску все глубже. – А я уже готов был согласиться. Хотел убедиться на личном опыте, что вы ого-го какая сильная, смелая и любого магистра способны уложить на лопатки.

Издевался! Судьба свидетель, этот тролль надо мной издевался!

– Я стою в паре с Софи. Что до остального... Вы вообще знаете, сколько у меня дел? – затараторила, нервно комкая в кулаке ткань шторы. – В Заповеднике новая главная целительница. Она еще плохо ориентируется на местности и оттого нуждается в моих подсказках. А еще шмырлов определили в открытый вольерчик. И я постоянно бегаю проверять, не навредили ли малышам ловушки господина Макферсона. Сажелька, опять же, нуждается в моральной подготовке к визиту... Ну... Вы поняли, кого. А кто, как не я?..

В мой затылок прилетел смешок. Громкий такой, заразительный.

Похоже, магистр сомневался в моих талантах оказывать моральную поддержку саблезубым тигрицам. Особенно по теме, в которой я и сама «плавала». Там, на лестнице Индийского университета, я так растерялась, что выдала себя с потрохами.

Чувствуя острую потребность поменять тему, раз от наглого вторженца в мою спальню избавиться не получается, я хорошенько откашлялась. Поискала поддержки у задернутой шторы. Не нашла. И, прочистив горло, уверенно завела:

– Раз уж вы так волнуетесь за делегацию, вам следует знать о еще одной... «проблеме».

Похоже, внимание я его привлекла. Ехидное хмыканье за моей спиной поутихло.

– Стая ламбикуров из Индии наконец добралась до нашего Заповедника, – призналась негромко, но твердо. – Тех самых ламбикуров. Их я спрятать точно не смогу.

– Вы сами их сюда пригласили, княжна.

– Я надеялась, что они смешаются с другой стаей! Но Аарон, ее вожак, имеет столь сложный нрав... Шурхова копия моего папеньки. Не знаю, как они до сих пор друг друга не заклевали...

– Ближе к теме, Карпова, – нетерпеливо поторопил мужчину.

– В общем, гости не рискнули напрашиваться. Молодые и пугливые еще.

– И где они обосновались?

Салливан завел руку за мое плечо, захватил двумя пальцами штору и чуть отодвинул, создавая крошечную щель. Выдохнул восторженно. Первый лист Джааду за многие десятилетия и нудного магистра не оставил равнодушным.

Но уж само собой, он никогда бы не похвалил меня за успех, все-таки немножко незаконный. Точнее «множко», но к чему об этом сейчас? Главное ведь результат.

– Вторая стая поселилась недалеко от оврага, где вы меня... тогда... Можете прогуляться там, кстати, – милостиво разрешила, утопая в смущении.

Боги, Ава! Тролль тебя укуси!

Хотя нет, лучше не надо. Тролль троллю рознь. Некоторые неправильные, лондонские, вполне могут запутаться и вместо укусов начать целовать. А этот подоконник ни в чем не проигрывает тому каменному выступу с темной лестницы... Ни в ширине, ни в высоте, ни в твердости...

Но он ведь обещал. Дал слово, да. Что никогда, совсем никогда.

И у меня «нет поводов для волнений». Совсем никаких. Тогда отчего же я так волнуюсь?

В какую дыру я все норовлю свалиться? И что меня в ней ждет?

Я цеплялась за края воображаемого обрыва, но чувствовала, что бездна тянет меня вниз. Бездна, облаченная в маску из черной шерсти. С глазами шурхового магистра. Дышавшего сейчас в мой затылок.

– Боюсь, Карпова, я там уже нагулялся...

– И все-таки сходите. Некоторые ламбикуры достигли своего птичьего совершеннолетия и могут выбрать союза. И они не забыли, кто их освободил из клетки, – пробормотала, поглядывая на заинтересованный листик Джадди. Сто процентов, негодник подслушивал. – Я помню, вы говорили, что в юности мечтали...

– Я давно вырос, княжна. И явно не подойду ламбикуру в качестве союза, – резче, чем я ожидала, бросил Салливан.

– Вы сильный маг, и ваша кровь...

– Мои мысли закрыты, Карпова, – хмуро пояснил магистр. – Ото всех и всегда. Это еще один побочный эффект от сломанного дара.

– Ну и что? Чтобы узнать человека, необязательно копаться у него в голове, – я помотала собственной.

– Ни один ламбикур не станет брать в союзы «кота в мешке». На этом, если вы не против, мы тему закроем, – строго заявил Салливан. – И если против – тоже.

– Но...

– Кроме того, вы, похоже, забыли про еще одно обязательное условие заключения «контракта преданности», – перебил непокорную меня магистр.

– Ничего я не забыла! – возразила, отчаянно пытаюсь припомнить все, что читала о ламбикурах. – Я прекрасно разбираюсь в магических существах.

Учебники, посвященные волшебным тварям, я всегда читала от корки до корки. Может такое быть, что чего-то в них не упомянули?

– Тогда вы, похоже, принимаете меня за кого-то другого, княжна, – в мой затылок опять прилетел смех, приправленный горчинкой. – Я уже упоминал, что не монах и не ангел.

– О чем вы вообще?

– Я давно не невинный мальчик, Карпова. Уж простите за такую откровенность, – заявил этот тролль совершенно непростительным насмешливым тоном. – А вот у вас, если я все правильно понял, еще есть шанс испортить жизнь какому-нибудь неопытному и наивному птенцу...

– А знаете, что? Давайте и правда закроем тему, – нервно спохватилась я. – Вот прямо сейчас. Совершенно никаких возражений!

– А мне только стало интересно, – «обиженно» выдохнул Салливан.

Собрав в кулачок растрепанные чувства (будь они неладны!), я развернулась и посмотрела прямо на магистра. Потому что со слов брата давно знала, что лучшая защита – это нападение.

Жаль, что отец с ним не соглашался и атакующим чарам меня обучал без особого энтузиазма. Парочка крепких заклятий «для троллей» мне бы сейчас не помешала. А лучше десяток.

Сердце издало предсмертный всхлип и затихло. Вот зачем он на меня так смотрит? В серых глазах плясали веселые, озорные серебристые искры. Сейчас они если и напоминали ледяную корочку, то согретую солнечными лучами и оттого еще сильнее сияющую.

– Если вам интересно, зачем ректор позвал меня... – сменил вдруг тему Салливан.

– Мне не интересно! – торопливо соврала я, растирая предательски розовеющее лицо.

Чем скорее магистр избавит меня от своего мучительного присутствия, тем лучше. Хоть голова работать начнет. Она мне свежая нужна. Для чего-то. Уже и не помню, для чего.

– Ваш отец пригласил меня, чтобы обсудить ситуацию с господином Ланге, – негромко продолжил Салливан, с щекотным любопытством разглядывая мои пунцовые щеки. – Мальчик не справляется с программой, для него это может плохо кончиться.

Я растерянно поморгала. Как мы вообще с ламбикуров, «неангельской» сущности магистра и моей невинности на Эмиля перескочили? Похоже, Рандор понял, в какую пучину смущения меня погрузил этими своими... ну, допустим, «предположениями».

– Почему вы не могли обсудить его ситуацию в Академии? – фыркнула, раздраженно дергая плечом.

– Много лишних глаз, – спокойно ответил Салливан. – Вы верно заметили: сейчас не понять, кто враг, а кто друг. Никто не желает давать комиссии очередной козырь.

– Ну вот и идите... Обсуждайте... – махнула рукой в сторону двери.

– Княгиня Карповская задерживается. Решение принимать ей.

– Ясно, – я понимающе кивнула и шумно набрала воздух в грудь. – Дверь в кабинет – напротив. Постарайтесь больше не путать.

Магистр задержался взглядом на моих губах и медленно кивнул в ответ. Развернулся и вышел прочь.

Вот и славно: меньше троллей – больше кислорода. А то я, Судьба свидетель, так вообще дышать разучусь. Снова спасать придется.

Глава 3. О рычагах, ловушках и неполноценных каплях

Судя по самодовольному виду, Джадди подслушал весь наш с магистром разговор. Может, и славно, что он нем, как дерево, и никому о нем не расскажет? Пощекотав листик чудо-ветки, я присела на кровать и натянула любимый свитер. Пока по дому бродил тролль, все труднее было находить здесь «зону комфорта».

От свитера крепко пахло лавандой: вчера я помогала тете Мэл вычесывать колтуны из волчьей шкуры декана Осворта. Шампунь с хвойной отдушкой закончился, и нашему одомашненному вервольфу пришлось немного пострадать. Я его видела сегодня за завтраком: Ромул до сих пор морщил нос, фыркал и демонстративно отплевывался.

Декан давно принял свою волчью суть и любил «особые ночи», которые мог провести в лесу наедине с мыслями и наглыми зайцами. Мне же высовывать нос наружу нравилось все меньше. Дни становились холодней, зато в доме бесперебойно работал камин и система магического отопления.

Хотелось постоянно кутаться в свитера, пить пряный цветочный сбор и жарить зефир. Чем мы и занималась с подругами каждые выходные. Из-за вечного присутствия в Академии господина Бехтерева и лысого инспектора пока не получалось считать ее домом. Вот мы и сбегали к бабушке Джулс и дедушке Артуру.

С поездки в Индийский университет прошло больше месяца, а комиссия никак не желала уезжать. Что до моих мыслей... Мои мысли никак не желали отпускать шурхов поцелуй.

Он все внутри взбаламутил. Взорвал новыми эмоциями и диковинными желаниями. Смутил, сбил с толку. Выдрал нагло из привычных забот. Даже шмырлы поглядывали на меня с подозрением, словно не узнавали типичную Аву-катастрофу в задумчивой барышне, строгой салат.

Эти напористые, умелые губы мне даже снились, хотя их об этом никто не просил! И еще руки... Знающие, что хватать и где сжимать... Наглые, по-хозяйски уверенные. Словно я дала ему какое-то разрешение! Но я не давала. Ведь нет?

И больше всего смущало присутствие этого мужчины в Пункте Связи. Поскольку у комиссии уши были повсюду, Малый Совет и единомышленники перенесли собрания в место, хорошо защищенное от чужих органов слуха. Теперь преподаватели заседали прямо тут, в столовой. Декан Осворт с женой, степенная Ксения Игоревна, вечно куда-то торопившаяся госпожа Пруэтт, отстраненная, вся какая-то неземная красавица-дриада...

Как-то раз вместе с госпожой Дороховой на собрание заглянул незнакомый светловолосый мужчина с красивыми зелеными глазами. Но после того, как мама в радостном порыве повисла на его крепкой шее, а папа так многообещающе зыркнул, что даже у меня горло свело, захаивать перестал.

Это он, конечно, правильно: уверена, мама по молодости многих поклонников не досчиталась. Зато грунт под Монстроглазом нынче потрясающе питательный, это и Джадди подтвердит.

А вот на Салливана папенька, к прискорбию, так не зыркал. Выяснилось, что перед нашим отбытием в Индию магистр успел рассказать отцу об отравлении пылью горянки, обратив папино внимание на мое припухшее запястье. И поделился подозрениями насчет виновника.

На Приветственном балу этот тролль глаз с меня не спускал! И видел, как ко мне прикасались Глэдис, Эйнар, Микаэлла, Энджела и Бехтерев. Так что ректор не из мести отправил Вяземскую на тестирование: ему нужно было время, чтобы обследовать комнаты «подозреваемых». Девенпорт тем же утром вызвали на практику в библиотечный архив, а Бехтерева

отвлекли заседанием Малого Совета, на котором комиссии вдруг разрешили попридусутствовать.

Пыльцу нашли, ректор получил рычаг давления – проштрафившуюся до угрозы отчисления Микаэлли – и смог выдвигать встречные требования графу. И с тех пор отношения Салливана с отцом стали выглядеть до противного нормальными, почти приятельскими и временами даже теплыми. Гадство несусветное!

А однажды я слышала, как они вдвоем – мой папа и лондонский тролль – смеялись на кухне, споря о чем-то с дедушкой Артуром. Это уже ни в какие ворота не шло!

Так дело дойдет до того, что шурхового магистра начнут на рождественские ужины приглашать. Бабушке Джулис только дай кого-нибудь пирогами накормить. Желательно одинокого, холостого и вечно хмурого.

А между прочим, у магистра и собственный дом имеется. Да-да. И я там даже бывала при весьма неловких обстоятельствах, которые не хочется вспоминать.

«Рычаг» оказался на диво действенным. Так, из комиссии в Академии остались только Бехтерев и лысый инспектор. И те – в качестве наблюдателей. Самого же Вяземского не особо вежливо попросили удалиться до конца расследования.

А оно продолжалось. Однако, попытки Рейны Шо и Энди Макферсона найти сообщника Милли быстро зашли в тупик. Подтвердилось, что у Карла тоже брали кровь, правда, в небольшом количестве. Поэтому никто, кроме моей погибшей начальницы, нового нападения не заметил.

Сделать это мог любой, кто имел доступ в ветеринарный пункт. Даже ученик во время практики в Заповеднике. Кому-то флакон крови шмырла покажется ерундой, а кому-то позволит оплатить целый год обучения.

Я никак не могла понять слов Милли и ее желания уничтожить последних представителей вымирающего вида. Даже полистала несколько трактатов о том, для чего используется их кровь. Но ничего такого уж страшного, несущего зло не обнаружила.

Обычные древние зелья, которые в современном мире вообще мало кому пригодятся, потому что эффект кратковременный, а цена за жидкую унцию выходит невероятная. Что лишний раз доказывало, что мы не ради ингредиентов сохраняем виды, а просто для того, чтобы эти фантастически прекрасные существа продолжали жить среди нас. (И не надо мне напоминать про перепончатые крылья, острые зубки и глаза на задн... на лучшей половине. Прекрасны-е).

На одном из совещаний было решено оснастить вольеры магическими ловушками и следящими артефактами. Рейна надеялась поймать преступника «на живца». Мне не нравилась идея сделать из крошечных шмырлов приманку, но мои возражения никого не заинтересовали.

Впрочем, за три недели ловушка сработала лишь однажды. Мой скользкий полный песец решил протиснуться сквозь сетку вольера, но не рассчитал габаритов и позорно застрял. Чем вернул меня к мысли, что идея с диетой была не так уж плоха. Что до охотника за ценными ингредиентами, то он стал осторожнее и пока никак себя не проявил.

Были и хорошие новости – Хумбл пошел на поправку. Правда, они тут же сменились плохими: едва очнулся, профессор тут же написал заявление на увольнение. Из чего последовали совершенно удручающие выводы: шурхов магистр у нас задержится.

Положенное возмущение от этой новости у меня прошло неоправданно быстро. И теперь внутри, где-то в области живота, приятно грелся теплый комочек, напоминая урчащего пушистого кота.

Где-то очень глубоко я была рада, что Салливан никуда не уезжает. Но магистру об этом знать было совсем необязательно.

От Кесслера больше не было вестей. Едва вернулась из Индии, я рассказала папе обо всем, что успела прочитать в тайном послании. Но он лишь сдвинул брови и наморщил лоб. И

молча телепортировался из ректорского кабинета тролль знает куда. Вот вечно он сам ничем не делится, а от нас с мамой ждет откровенности!

На место погибшей Милли приехала новая целительница. Мы пока присматривались друг к другу, но от помощи моей она не отказывалась, и практика при Заповеднике возобновилась.

Шмырлы выздоровели и были выпущены в вольерчик близ лаборатории. Пострадавший даркен-сабер потихоньку начал обрастать шерстью и сейчас выглядел очень стильно, с таким коротким «ежиком» на верхней половине туловища.

Сажелька тоже вернулась в лес. Со дня на день должен был прибыть обещанный «кавалер почтой». Это волновало и тревожило не только «невесту». Работники Заповедника вторую неделю готовили адаптационный вольер для гостя, набрасывая на него многослойные чары, и проверяли новое оборудование. Все-таки держать такого дикаря на территории опасно.

Новенькие – Эйнар и Расков – как-то незаметно прибились к нашей компании. На фоне вечно болтающего Дорохова синеглазый Алекс казался тихоней. Мы часто занимались вместе в библиотеке, засиживаясь допоздна.

Джил саркастично высмеивала идеи гоблина-полукровки, не оставляя от стройных теорий камня на камне. А Софи великодушно согласилась помогать Алексу с хромающей теорией – при строгом условии, что тот не станет за ней ухаживать. Якобы отношения ее не интересовали.

Что до меня... Я старалась отвлечься от чепухи. Медитации, магическая йога, вычесывание шмырлов, чтение монотонных трактатов по древним чарам, дрессировка Бойза... Чем только ни занималась, надеясь выгнать из головы шурхового магистра.

Даже пыталась вновь вдохновиться заветными кудряшками, появлявшимися на горизонте вперед Главного Мастера. Но чувствовала лишь сентиментальную грусть. Тоску о чем-то не случившемся, но уже утраченном.

В течение месяца мужчина в маске волка возникал в моей голове в сотню раз чаще, чем кудрявый бравый воин. Как я от них ни отбивалась, а мысли все равно приводили меня обратно. В запретную секцию Дворцовой оранжереи. В чужую спальню, в которой меня чуть не покусала Эвер. На темный лестничный пролет...

И, наконец, под сень высоких деревьев, иссушенных индийской жарой. На тропинку, где Салливан пообещал больше никогда меня не целовать. А гордость никогда бы мне не позволила попросить его забрать слова обратно.

***

Из гостиной донеслись звуки спора, и я волей-неволей прислушалась. Сердце беспардонно екнуло, едва уши распознали нудный тон лондонского тролля.

Сейчас он, впрочем, был другим – азартным, убедительным. У Салливана имелась теория о том, как можно помочь Эмилию, совсем поплохевшему после испытания двумя телепортами и хеккаровым бешенством. Но моей матери она по какой-то причине не нравилась.

Я сползла с постели и прокралась на лестницу. Присела на верхних ступенях, не рискуя высовывать нос: ушей достаточно.

– Со мной ведь получилось... – взволнованно бормотала миссис Осворт, вставая на сторону магистра.

– Твоя капля не была сломана! – возражала мама. – И тогда со мной был не только венец, но и Аврора-младшая. Без нее я бы не справилась.

Я прикусила губу: не припомню, чтобы участвовала с мамой в каком-то мероприятии и играла в нем важную роль. Ну, кроме убийства Блэра. Но ведь вряд ли они про «тот неловкий момент».

Венец мне, кстати, ни разу в руки не давали. Прятали где-то от греха (точнее, от Авы-катастрофы) подальше. Но мне глупая эльфийская игрушка была без надобности: она помогала концентрировать дар, которого я пока не имела. Пока.

Я слышала легенды о том, как Аврора Мудрая, моя именитая тезка, с помощью венца творила величайшие чудеса – исцеляла от психических хворей, возвращала и укрепляла заплутавшее сознание, распечатывала магию, а однажды даже заперла дух внутри тела... Но мысль об этом только расстраивала. Я по сравнению с ней была сущей бездарностью.

– При чем тут княжна? – недоуменно уточнил Салливан, тоже, верно, считавший меня неумехой. Всесторонней, разноплановой. Даже в смысле шурховых поцелуев, в которых у меня тоже совершенно не оказалось опыта. Не на шмырлах же тренироваться?

– Со мной была ее раскрытая капля. Вот тут, – пояснила мама, и я как-то вдруг догадалась, что показывает она на живот. – Я не уверена, что смогу повторить то, что сделала с Мелиссой. Особенно... в нынешнем положении вещей.

Точно! Я ведь слышала историю, как в тете Мэл раскрыли дремавшую магию.

Что не так с маминым положением вещей, я не узнала, потому что вклинился голос папеньки.

– Я видел его после портала, Ани, – мрачно выдал отец. – Мальчишка едва мог стоять. Если так продолжится, Эмиля постигнет та же участь, что и...

– Мою младшую сестру, – договорила севшим голосом миссис Осворт. – Ани, пожалуйста. Магическая хирургия бессильна. И я знаю, что вы с Андреем уже попробовали все, кроме... Ну ладно, ладно, допустим, раскрыть ты ее не сможешь. Но тогда удали ее к морфовой бабушке! Пусть станет пустышкой. Даже больше: пусть станет обычным человеком. Как Артур.

– Это очень большой риск, – прошептала мама. – Моя магия сейчас нестабильна. Любое неверное движение – и... А мой крестный, лишившись капли, едва не умер! Если бы не кровь Артемиуса...

– Ланге и с каплей умрет, – вклинился Салливан, позволяя себе достаточно строгий тон. Но это и правильно – кто-то должен мыслить трезво, не поддаваясь эмоциям. – Тренировки почти неэффективны, княгиня. Скоро сломанная капля начнет отравлять ему жизнь. В прямом смысле.

– Если настанет критический момент, я рискну, – шмыгнув носом, согласилась мама. – Но не раньше. И после всех манипуляций Эмиль будет очень нестабилен. Очень. Не знаю, как долго. Месяц, два... Я вызову Мари из отпуска. Если кто и сможет выходить мальчика после операции...

– В одном из английских переизданий, посвященных древней целительской магии, я читал о ментальной сфере, укрепляющей дух, – рассказал Салливан.

Похоже, судьба Эмиля его и впрямь беспокоила. Видел ли он в мальчике себя, неуверенного в своем будущем и не ждущего помощи уже ниоткуда?

– Из Сияющей материи?

– Возможно. Не знаю, – магистр растерянно выдохнул. – Само заклятье звалось «Анима Ренатус». Не уверен, что вы владеете чем-то подобным... Но при ухудшении состояния Ланге я бы...

– Графиня Воронцова владела, – взволнованно перебила его моя мать.

– Ани... – миссис Осворт судорожно всхлипнула.

– Возможно, где-то в отголосках ее воспоминаний, унаследованных мной со всем прочим багажом, найдется нужное заклинание. Я попробую восстановить его в памяти, Мэл. Попробую.

– Отложим панику до времени, когда подойдет срок. Ланге пока помирать не собирается, – гулко скомандовал отец и зашумел доисторической деревянной кофемолкой. – А моей жене нервничать нежелательно.

– Я в порядке, Андрей.

– Тебе нужно отдохнуть, пигалица, – в не терпящем возражений тоне проскользнула нежность. – Прямо сейчас.

Глава 4. О незаконном вторжении в чужую спальню

В кабинете магической медитации было так шумно, что я не слышала собственных мыслей, от которых надеялась абстрагироваться с помощью вечерней релаксации. То есть эффекта я, с одной стороны, достигла. Но совсем не тем методом, каким планировала.

Гвалт стоял несусветный: Арчи хлопал крыльями, Джил пыталась Софи, юная волчица убегала от нее по кабинету, как ужаленная в «лучшую половину». Квит пытался навести порядок, но в итоге сердито махнул лапой и с возмущенным хлопком удалился, затянув кабинет черной сажевой пеленой.

Розовый дымок нервно подрагивал над ароматическими свечами, которыми я обставила свой лежак. Какое уж тут спокойствие? Чтобы достигнуть умиротворения, надо сначала всех прочих, оголтело шумящих, «умиротворить».

Я битый час сидела на мягком черном мате в сложносочиненной позе и пыталась заглянуть внутрь себя. Обнаружить там если и не ответы, то хоть намеки. В кои-то веки прислушалась к совету нудного тролля и никуда не бежала, не торопилась! Замерла в моменте, желая распахнуть внутреннее око навстречу Судьбе.

Но благие намерения разбились о ментальный поединок вервольфа-полукровки и опальной леди Кавендиш. И вместо ответов я обнаружила перед носом только собственную коленку, обтянутую темно-синей эластичной тканью гимнастического костюма.

Поправив ляжку на топе, я распрямилась. Прокряхтела заковыристое ругательство в сторону Джил и Софи и закатила глаза, заметив плящегоса на меня Арчи. Навесила ментальный барьер покрепче: нечего лезть, куда не звали.

– Ну и каша у тебя в голове, – деловито отметил мамин ламбикур.

Интересно, он рассказывает ей то, что умудрился урывками прочитать в моей головушке несмотря на усиленную защиту и работающий медальон? Или в нашем с ним случае действует какая-нибудь «тайна исповеди»?

– Нормальная у меня там каша. Фирменная, наследственная, – отфыркалась от пернато-лохматого мерзавца, к двадцати годам достигшего размеров приличной такой дыньки-«торпеды». А ведь я помнила его еще подростком, обожавшим ночевать в моей кровати.

– Не хочешь рассказать, что за волчья морда терзает твое и без того беспокойное сознание, Аврора?

– Ты удивишься.

– Мм?

– Вот совершенно не хочу, – я показала язык маминому шпиону, убедившись, что барьер сидит крепко.

Это ж надо было так подставиться во время медитации? И ведь каков негодник: нашел идеальный момент, чтобы занырнуть в мысли. Нездоровые, глупые и совершенно ненужные.

Думала я о Рандоре. Снова. То есть о магистре Салливане, разумеется. Точнее, старалась не думать.

Всеми способами я выпихивала наглую черную морду из сознания и запрещала (строго-настрого!) искать дорогу обратно. Но до тех пор, пока Софи и Джил не устроили гонки с препятствиями (в виде сидевшей на мате меня), думалось мне о нем очень и очень хорошо.

Как-то раз мне удалось подслушать разговор Салливана с отцом, из чего я сделала вывод, что никуда тролль из Пункта Связи не исчезнет. И редкими встречами Малого Совета дело не ограничится.

Выяснилось, что магистр в молодости входил в «Арку памяти» – дружественную МОСу тайную организацию магического контроля с филиалами в Лондоне, Дели и Париже. У них с отцом нашлось много общих тем. Оба искренне удивлялись, что не были до сих пор знакомы.

Как по мне, так могли бы и дальше сильно близко не знакомиться! Но кто ж спрашивал мое мнение?

Как и наша организация сопротивления, «Арка памяти» едва функционировала после смерти Великого и Бесштанного. Десять лет ее участники преследовали выживших арканов. Приглядывали за особо интересными персонами, чье раскаяние не выглядело правдоподобным.

Наблюдали за магами, совершающими подозрительные действия: от покупки бесценных ингредиентов до розыска древних книг и артефактов... Но, в конце концов, убедившись в отсутствии «темных мыслей», оставили бывших «братьев» в покое.

В итоге «Арка памяти» распалась. Как и МОС, основанный дедушкой. Борьба магам-миротворцам стало не с кем (разве что с непреодолимым желанием бабушки Джулс накормить всех «еще одной порцией»).

На закате «Арки», как я поняла, Салливан и познакомился с Эвер Валенвайд. Не то чтобы я с ажиотажем прислушивалась к разговору в столовой, пытаясь выудить крупницы новой информации о магистре... Но прислушивалась. И пыталась, да.

Рандор получил хорошую должность в Лондонской школе и возглавил Отделение атакующей стихийной магии. Эвер отправилась в Индию постигать искусство магической левитации, заложенное в нее вампирской природой. Но они продолжили общаться, разбавляя скучное бытие нудного тролля редкими, но, без всяких сомнений, приятными встречами...

Это я, конечно, сама додумала. Его разговор с отцом касался исключительно деловых связей и полезных знакомств. А еще магистр рассказывал, кто из бывших арканов интересовал «Арку памяти» особенно сильно.

В списки «подозрительных персон» по какой-то нелепой случайности попал и мой крестный. В досье «Арки» он фигурировал как непревзойденный мастер магической маскировки и крупнейший специалист по иллюзорным чарам в мире.

Чертовски лестно! Даже жаль, что Фридрих этого не слышал. Его интерес к редким ингредиентам и умение прятать магический след не остались незамеченными лондонским штабом.

Пристально «Арка» приглядывала и за Кавендишами. В том числе за давным-давно оправданным отцом Джил. Еще их интересовала старшая леди – Джорджина, приходившаяся опекушкой Алексу Раскову.

Сам синеглазый новичок о своей бабке отзывался с теплом. Говорил, что она много рисует и занимается садом в старом имении. Постоянно что-то путает и забывает. И уж точно не тяготеет к мировому господству.

А ведь когда-то Джорджина рассчитывала стать правой рукой самого Блэра. Но их супружество не принесло ей счастья (если, конечно, то, что писали на желтых полосах «Трибьюн», – правда). Леди Кавендиш оправдали по всем статьям, обнаружив следы внушения и иных ментальных воздействий.

И как таких чудовищ, как Блэр, только земля носила? Сколько судеб исковеркали две магические войны, обе прошедшие под знаменами эльфоподобного монстра? Не хотелось даже вспоминать.

Я знала, что Питер, папа Джил, лишился старшего брата и лучшего друга, ставших арканами. Алекс Расков так и не узнал отца, воевавшего на стороне Блэра. Его мать погибла, пытаясь сбежать от преследовавших ее «братьев». А мой дедушка потерял всю свою магию, передав силу отцу.

Но папа говорит, что если бы не я и не моя так вовремя пробудившаяся магия, жертв было бы куда больше. С детства твердит, что я такая же великая, как моя тетка, графиня Воронцова. И такая же бедовая. Жаль, что совсем не мудрая.

Сейчас, глядя на мерцающее уличное озеро, в глубине которого вальяжно перемещалась хвостатая тень русалки, на раскинувшийся справа сад диковинных альта-цитронов, на далекие очертания Заповедника и россыпь папиных стеклянных теплиц, я наслаждалась безмятежностью. И совсем не ощущала грядущей бури, о которой так страстно рассказывала Милли.

Она не права, и крестный Фридрих – тоже. Нет такой беды, с которой мои родители не могли бы справиться.

– Ава, Джил, смотрите! Кто это? – Софи дернула меня за плечо. Я и не заметила, когда в кабинете для медитаций успело стать тихо.

Пальчик подруги упрямо тыкал в сторону озера, но ни я, ни Джил, как ни шурились, не могли там никого разглядеть. Зрения вервольфа-полукровки, особо острого в преддверии полнолуния, очень не хватало.

– Темно, как у тролля в логове...

– Что ты видишь, Соф?

– Тень высокого мужчины за деревьями. Она движется к озеру, но как-то странно, – прошептала подруга, словно таинственный незнакомец мог ее услышать с улицы.

– Кому придет в голову гулять в такой поздний час? – удивилась Джиллиан.

– И в такую погоду! – я поежилась. За окном завывал студеной ветер, ставший за последнюю неделю привычным.

– Авроре Андреевне бы пришло, – флегматично бросил засранец Арчи, хлопая мощными крыльями за моим плечом.

Он был прав лишь частично. В такой ураган меня могло выгнать на улицу только что-то сверхважное, супер-срочное и экспериментально-творческое. Вроде внезапных родов у Хлои-Жюли. Но, по имеющимся у меня сведениям, Карл до нее до сих пор не дополз. И ноябрьским ветром ей тоже ничего не надудло.

Темный силуэт вынырнул из вязкого мрака, и мы с Джил наконец смогли увидеть крадущуюся тень. Действительно, мужчина. В длинном плаще с задранными до самых ушей воротником, за которым он прятался от ветра и случайных свидетелей.

Незнакомец добрал до озера и навис над сияющей водой, заставив Атарину благоразумно уйти на дно.

– Жаль, что спиной... Не разглядеть... – пробормотала Джил, жадная до любых тайн. И ненавидящая оставаться в неведении.

А может, это все-таки кто-то знакомый? С такого расстояния разобрать было трудно, а за месяц терзаний Салливан стал мерещиться мне повсюду, но...

– На новенького магистра похож, – озвучила мои мысли Софи, и я с благодарностью ей кивнула.

Правда ведь, похож! И дело не в моих фирменных галлюцинациях и каше в голове. У Рандора и плащ длинный имеется, и ворот он поднимать большой любитель.

– В такой темени любой высокий мужчина в пальто будет похож на магистра, – отрезвила нас Джил, с чего-то вдруг проникшаяся к троллю уважением. – И в такой ветрище любой здравомыслящий человек поднимет воротник.

– Нельзя быть настолько рациональной, – я неодобрительно покачала головой. – А азарт? А тяга к приключениям?

– Тише, Ава, – заторможенно отмахнулась подруга. – Что-то происходит.

Мужчина нагнулся к самой поверхности и, достав из кармана блеснувшую во мраке шкапку, принялся вытряхивать в воду ее содержимое.

– Что он творит?! – взвизгнула Софи и в сердцах хлопнула ладонью по стеклу. – Надо звать охрану!

– Тише! – Джил махнула жезлом и потушила все свечи разом.

– Я сейчас же пойду к господину Макферсону, – прошипела сквозь зубы волчица, скалясь в окно. – Он сегодня не дежурит, но в такой час спит вряд ли, так что...

– Стой, так ты его только спугнешь, – прошептала наша сверхблагоразумная леди. – Пусть доделает то, что собирался. Чтобы было, что ему предъявить.

На затянутом тучами небе образовался просвет, и сторбленную фигуру стало видно совсем хорошо. Мужчина, осознав, что покров темноты его больше не скрывает, нервно огляделся, захлопнул шкатулку и стал пробираться обратно к лесу.

– Уходит! – вскрикнула я, сердито пихая Джил в бок.

Ну, и до чего нас довело ее благоразумие? Единственную зацепку упустили!

– А вдруг это и есть тот самый вредитель, что напал на животных? – воскликнула юная волчица, и ее голос окрасился подозрительно звериным рыком. – И сейчас он пытался отравить Атарину?!

– Соф... время, – Джил постучала по пустому запястью, на котором хорошо смотрелись бы часики. – Домой ты уже не успеешь. Зато твой нюх...

– Точно! – воодушевленно подхватила я. – Нет более надежного способа выяснить, кто это был, чем...

Мисс Осворт обижено заскулила и с неприязнью посмотрела на лес, в котором скрылся мужчина.

– Л-ладно, – выдохнула девушка, нервным движением заводя за ухо короткий черный завиток и обнажая участок виска, уже покрывшийся смоляной шерстью. – Вы только одежду мне приготовьте и попросите Квита отнести за пятую, хорошо? А то в прошлый раз я совсем без... Ох... Вспоминать стыдно.

Не договорив, Софи парой нечеловеческих прыжков преодолела расстояние до двери и выскочила из кабинета. Последнее, что я увидела в проеме, был черный волчий хвост, проравший аккуратные домашние шортики.

– Ну-с... А мы, выходит, будем куковать до утра в ожидании информации? – уточнил Арчи и ехидно зыркнул на меня правым розовым глазом.

– Вот еще! – я щелкнула ламбикура по говорливому клюву, подбивавшему меня на преступление. Весьма странно для Арчи. Словно он не в курсе, что меня и подбивать не надо! Хлебом не корми, дай с новыми неприятностями познакомиться. – Мы проведем собственное расследование. И я даже знаю, с чьего кабинета мы его начнем.

– Вообще, Ав, это вряд ли был магистр, – попыталась вернуть меня на землю Джил. – Собрание в Пункте Связи еще продолжается.

Я недовольно почесала затылок. Права, конечно. Как и всегда.

Мы с подругами сбежали в Академию из дома бабушки Джулс, когда туда, помимо Салливана, заявила толпа преподавателей. Пункт Связи загудел голосами Карамзиной, Осворта, Валенвайда и прочих, и воскресный вечер окончательно перестал быть томным.

Гостиную распирало от количества гостей. Старый вампир косо поглядывал на Рандора, словно тот нанес ему личное оскорбление. Дриада с равнодушным видом поливала раскидистый фикус на террасе. Дедушка Артур вещал что-то «о сверхважной повестке дня».

Мама пожаловалась на самочувствие и ушла отдыхать в спальню на чердаке. А мы с подругами собрали вещи, остатки зефира и недочитанную книгу сказок и попросили Квита переместить нас в комнату для медитаций.

Мне срочно нужно было привести в порядок мысли, расштатавшиеся из-за дурацкого гадания и прозрачных намеков Рандора. Но медитация не помогла.

– Да и плащ в лунном свете мне показался черным, а он носит синий, – задумчиво продолжала Джил, – и, ко всему прочему, блестящий, кожаный.

Верно. Этот не блеснул, словно был пошит из шерсти.

Эх! А какая стройная теория была! Если бы Салливан оказался тем самым вредителем, у меня была бы официальная причина воспылать к нему неприязню. Папа бы его, вероятнее всего, прикопал под Монстроглазом. И проблема бы решилась сама собой.

Но нет, Джил права. Не бывает все так легко.

– А ведь сейчас идеальное время, чтобы напакостить. Кто-то знал, что все преподаватели в Пункте Связи, – протянула я. – Но откуда, если его не приглашали?

– Ава, ты опять про Салливана? – Джил закатила глаза. Ну да, зачастила я о нем. Что поделать. – Его отсутствие непременно заметили бы.

– Он мог отлучиться! Ну, не знаю... старые карты посмотреть, кусты на улице подровнять, нотацию кому-нибудь прочитывать...

Не хотелось мне отпускать гениальную идею, служившую идеальным поводом для крошечного вторжения на тролль территорию.

– В конце концов, он владеет воздушным телепортом, – вспомнила внезапно. – Вжух! – сюда прилетел. Вжух! – обратно. Как шурхов Карлсон!

– Даже знать не хочу, где у него пропеллер, – проворчал Арчи, горделиво шествуя по подоконнику.

– Явно не там, где у Авроры, – рассмеялась Джил, и я скорчила обиженную рожицу.

Там, где она имела в виду, у меня чего только не напихано (по мнению очевидцев, пострадавших и просто сочувствующих). Пропеллер уже никак не поместится.

– Я серьезно про телепорт!

– О да, магистр совершает его очень, очень незаметно для чужих глаз, – хихикнула подруга, вспомнив прерванное гадание и разгром в гостиной. – Примерно, как тролль в посудной лавке.

– Вот в этом я с тобой соглашусь, – деловито кивнула я. – Ладно, надо убедиться, что Салливан там.

– Ава, проверить это легче легкого. И я почти уверена, что магистр никуда не уходил. Просто признай, что тебе зачем-то нужно влезть в его кабинет. Думаешь, я не вижу, что он тебя как-то... нездорово раздражает? И мотивирует на странные и опасные затеи.

– Раздражает, угу... И мотивирует, – согласно промычала я. – И у меня созрел план.

– Нам всем конец, – вынес вердикт Арчи и как-то даже перьями побледнел.

– Джил, ты вернешься в дом бабушки Джулс и убедишься, что он действительно еще там, – командирским тоном завела я, выпрямляя спину и воинственно хмурясь. – Приглядывай за Салливаном и шли мне теле-маго-граммы. А я, пока его нет, тихонько проверю...

– Тихонько? – скептически уточнила Джил, словно я камнехвост какой, а не хрупкая гибкая девушка.

– Просочусь, как сабер.

– Вломишься, как тролль, – поправила подруга, – на частную территорию преподавателя.

– Вломлюсь. На частную. Угу, – я облизнула пересохшие от волнения губы и коварно ухмыльнулась.

В конце концов, если истинный тролль и правда в Пункте Связи, то что может случиться? В мою спальню он вторгся совершенно нагло. Так что самое время поквитаться.

– А как быть с Атаринной? Мы ведь не знаем, что незнакомец ей подсыпал, – Джиллиан поскребла пальцами по холодному стеклу, за которым расстилалась беззвездная ночь.

– Может, Луна спугнула мужчину, и он не успел навредить? Я вижу тень русалки. Выглядит бодро. Но попрошу Квита ее проведать, заодно пусть для Софи вещи отнесет, – покивала я, прокручивая в голове план. – Арчи, сообщи маме о том, что мы видели. Но так, чтобы остальные не услышали. А я буквально на минутку загляну в кабинет Салливана, а потом сбегаю к озеру, возьму пробы воды и отнесу к нам в лабораторию.

Я оглядела кабинет магической медитации в поисках любимой кофты, но ничего не обнаружила. Похоже, оставила в Пункте Связи, когда переодевалась в гимнастический костюм. Холодно вато бежать до озера в одном топе и лосинах. Может, у тролля в шкафу найдется что-нибудь теплое, уютное и вкусно пахнущее? Я ведь потом верну.

– Если все пойдет по плану, мне хватит получаса...

– Аврора Андреевна и ее фирменное «пойдет по плану», – нервно закашлялся ламбикур, еще недавно сам подбивавший меня на тролль знает что.

– А завтра к утру у нас будут проанализированные пробы воды и свидетельство Софи, наверняка уже взявшей след негодяя, – проигнорировала я приступ птичьего пессимизма. – Утром симпатичный носик сержанту Рейне Шо! И заодно господина Макферсона порадуем. Он в последнее время совсем скис на фоне заглохшего расследования.

– Ладно, уговорила, – кивнула Джил. – Софи это точно подбодрит. Она сама не своя из-за этой Рейны.

Подруга передернула плечиками и вышла в коридор, напоследок подав знак, что мне тоже пора отправляться. Времени у нас не вагон.

В кабинет Салливана меня гнало чутье. То самое, фирменное, верным компасом встроенное в место, где Джил предполагала пропеллер. И всегда с точностью указывающее в сторону неприятностей.

– Аврора... Я вовсе не это имел в виду, предлагая не сидеть сложа крылья, – запоздало информировал меня хмурый Арчи. – Вот идея взять пробы, пока вещество не выветрилось, действительно хороша.

– Я обязательно займусь ей. В порядке очереди, – пообещала, пробираясь к двери. – Одним глазком загляну в кабинет магистра, узнаю, какие секреты он хранит – не может же быть, что никакие? – и сразу на выход.

– Ищайка из тебя так себе, – раскудахтался ламбикур.

– Не спеши с выводами. Неприятности я нахожу с феноменальным успехом, – я вздернула нос, гордясь своей наследственной сверхспособностью.

– Может, мне полететь с тобой? – Арчи выглядел обеспокоенным.

– Сама справлюсь.

– Только не вздумай там случайно уснуть!

Вот же наседка!

Пробурчав, что у Арчи от птичьего корма совсем ум помутился, я выскочила в коридор. С чего бы мне там засыпать? Тем более, в одиночестве?

А не в одиночестве – и подавно! К таким творческим экспериментам я пока морально не готова. Наверное.

Мысленно засучив рукава, которых на моей майке отродясь не было, я пошла «на дело». Стараясь бесшумно ступать по мраморным плитам, во мраке академического коридора я пробиралась к кабинету Салливана. По щекам растекался щекотный румянец. Вообще, памятуя предыдущий опыт, ночевать в обществе магистра оказалась не так уж страшно. Познавательного даже.

Так, я узнала, что мужчины ужасно тяжелые. Невыносимо громко храпящие. Чертовски вредные спросонок. И все время норовящие на что-нибудь посягнуть.

Интересно, кстати, на что именно?

Пока я строила догадки, в лоб прилетела теле-маго-грамма от Джил.

«Ава, он тут. Спорит с твоим отцом (бессмертный). И пытается отказаться от пирога бабушки Джулс (наивный). Тетя Мэл говорит, они уже час, как языками сцепились. У озера был не Салливан. Точно!»

Я расстроено вздохнула. Мой официальный предлог заявиться в магистерскую спальню (кабинет, конечно же, кабинет!) стал походить на глупую блажь. Может, сделать вид, что я не заметила записку?

Но Джил не оставила мне шансов, добив (во всех смыслах) следующей.

«Не делай того, за что потом будет стыдно»

В такие моменты я жалела, что не вервольф. Накатило желание то ли зарычать, то ли покусать кого особо нудного. У меня их, особо нудных, в окружении полный набор.

К троллям все! Надеюсь, Джил догадается, что я все-таки полезу в кабинет Салливана. И додумается предупредить, когда собрание окончится.

На двери личной магистерской территории никаких сверхсложных и крепких защитных чар не обнаружилось. Это лишний раз намекало, что свои секреты, если таковые имеются, Рандор хранит в других местах.

Не может же такого быть, чтобы у него вовсе не имелось тайн? У меня вот их десятка два или три. Разной степени важности, стыдности и секретности.

До восторженно-игривых мурашек было интересно узнать о магистре больше. Какие книги он читает, как развешивает рубашки в шкафу, распахивает ли шторы поутру, заправляет ли постель... Тьфу, Ава!

Дверь впустила меня по первому требованию, и из кабинета дыхнуло свежестью. Окно было приоткрыто, и в комнату врвался ноябрьский ветер. Тот нагло подстегивал шторы и шевелил бумаги, прижатые к письменному столу увесистым томом.

«История Санкт-Петербургской Академии магии от основания до наших дней». Вот ведь скучное чтиво! Я умудрилась уснуть уже на пятой странице, но опасность быть съеденной на зачете профессором Валенвайдом мотивировала дочитать до конца. Судя по закладке, Салливан остановился на третьей главе, посвященной далекоидущим планам графини.

Местное логово тролля, как и лондонское, выглядело обезличенным. Стерильным и гладковыбритым. Словно номер в отеле, из которого планируют съехать на днях. Но на это Салливан может не рассчитывать: я в курсе, что мама уже и на бумагах перевела его статус из временного преподавателя в постоянного.

В ящике стола аккуратной стопкой лежали чистые листы и запасные письменные принадлежности. На вешалке у двери – тот самый синий кожаный плащ. Все верно, Рандор прилетел в Пункт Связи в рубашке. Сервант пустовал, идеально вычищенный после предыдущего владельца, а новым так и не заполненный.

Я одним глазком заглянула в смежную с кабинетом спальню. В открытом шкафу мелькнуло несколько выглаженных рубашек разных оттенков, в градациях белого, серого и голубого. На комодe – два аккуратно сложенных индивидуальных полотенца. И... все.

Рандор, конечно, недавно приехал (я еще не успела об этом забыть). И надолго задерживаться не планировал. Но должен же у него иметься хотя бы любимый плед? Или памятная вещица? Помимо часов, которые он вечно с собой таскает?

Вот у Осворта в кабинете чего только нет! Начиная от лежанки для волчьей ипостаси и заканчивая кучей фоторамок с изображениями супруги и крошки Софи, на тот момент еще беззубой. Какие-то памятные безделушки, старые, растянутые, но дорогие сердцу свитера... Бардак несусветный, одним словом.

У декана есть даже запас травяного чая и шоколадных конфет. На случай, если к нему прибежит в расстроенных чувствах Мелисса, или Карамзина, или моя мама... Неудивительно, что жаловаться на жизнь ходят именно к Осворту: она почти сразу становится слаще.

А я зачем-то приперлась сюда. В аскетичную обитель нудного тролля, не знающего свое прошлое и не особо задумывающегося о будущем и настоящем.

Впрочем, почти уверена, что Салливан тоже умеет делать жизнь своих гостей слаще. Просто... без помощи травяного чая и конфет.

Новой теле-маго-граммы от Джил не приходило. Значит, время у меня еще есть. Бегло осмотрев все шкафы и ящики в кабинете, я решительно вошла в спальню магистра.

Взгляд как-то сам собой уперся в широкую, идеально заправленную двуспальную кровать. И зачем ему такая большая? У нас в девичьих спальнях койки куда скромнее! Или этот тролль поперек дрыхнет?

Раньше кабинет принадлежал Хумблу, но он, как я слышала, предпочитал ночевать в деревне. И спальней не пользовался. Что до магистра...

Взволнованно закусив нижнюю губу, я медленно стянула покрывало и нагнулась к подушке. Втянула носом запах, как заправская ищейка-саберша. Да, Салливан точно тут ночевал. Все белье пропиталось его необычным, вкусным и не поддающимся определению ароматом. А ведь мог переноситься к себе домой хоть каждый день. Но почему-то оставался под той же крышей, что и я.

Серые простыни, отливающие холодной сталью, очень ему подходили. Мерцали в лунном свете, как льдистые искорки в магистерских глазах. Было очень легко представить Рандора лежащим прямо тут, вот на этой подушке. Уставшего, сонного, со свесившейся на лоб темной прядью волос...

И еще он почему-то представлялся мне без рубашки. С бесстыдно неприкрытым торсом, увитым по центру темными волосками. На этом месте (где-то в районе солнечного сплетения) мое хваленое богатое воображение начинало сбоить. Потому как детально я рассмотреть Салливана не успела, а моей фантазии нужна была реальная пища для размышлений.

Я отрезвила себя мысленной пощечиной и тряхнула волосами. Напомнила себе, что пришла вовсе не за тем, чтобы глазеть на чужие простыни. Да! За чем-то другим. Тролль вспомнит, чем именно...

С другой стороны, если я тут немножко полежу, большой беды не случится. Собрание в Пункте Связи продолжается, вода в озере никуда не денется... Я торопливо забралась под магистерское одеяло, вмяла затылок в подушку и уставилась в потолок. Не так уж и страшно, если подумать. Интересно даже.

В животе взорвался сноп теплых, озорных искр, тролль знает что предвкушающих. Я поерзала на удобной постели, перевернулась на живот, упала носом в мягкую подушку... Ммм!

Нагло раскинула руки в стороны. Рук не хватило. Они закончились задолго до краев кровати. Какая же широкая! У меня такой никогда не было.

Напутствие Арчи уже не казалось птичьим бредом. Мне вдруг невыносимо захотелось уснуть именно здесь. Представляю, в какое негодование пришел бы Салливан, обнаружив меня, сладко сопящую на его подушке. В ушах так и слышался медвежий рык: «Кто спал на моей постели и помял ее?!»

А если бы он не стал меня будить и позволил остаться тут до утра? Или, не дай Судьба, решил бы, что это какой-то намек?

Подскочив с постели как ужаленная, я небрежно накинула на нее одеяло. Ну и что, что вся простыня скомкалась от моих суматошных телодвижений. Так аккуратно, по-фирменному заправлять кровать, как это делает нудный тролль, я не умела. Мне некогда было учиться подобной ерунде. Всегда находились дела поважнее.

Подышав глубоко и вдумчиво, как тренировала нас на магической медитации Ксения Игоревна, я почти успокоилась. И продолжила создавать вид детективной деятельности.

Пошуршала в шкафу, понюхала рубашки, заглянула в ящики прикроватной тумбы. Два самых верхних все-таки были снабжены слабенькими защитными чарами. Такими, которые разве что уборщицу-эмпя удержат от воровства.

Специалистом по магическим взломам я не была, но спустя пять минут кряхтения на полу у тумбы, я сорвала печать с первого. Ящик выскочил как миленький, открывая вид на педантично разложенные свертки. Я заглянула в ближайший, подписанный на хинди. Травки,

сушеные соцветия, кусочки плодов... Похоже на лекарство от магрени, приобретенное магистром в индийской аптеке.

Сунула нос в бумажный пакет. И обомлела. Та самая смесь знакомо-незнакомых трав! Было в ней и терпкое, и горькое, и сладкое, и вдохновляюще цветочное... Ей и пах все время Салливан. Насколько же сломанный дар его замучил, что лекарство от магрени стало постоянным, ежедневным спутником?

В составе явно имелись Чабрец расслабляющий, Фиалка пурпурная, какой-то редкий сорт Дракобелы, чуть-чуть Физалиса обезболивающего, перетертые ягоды Можжевельника кусачего... А основная нота была за нежнейшей Эустомой.

Она, как я знала, помогает при облысении и... кхм-кхм... для мужской силы. Но вряд ли у магистра были с этим или другим какие-то проблемы. Но и от магрени ее тоже применяли в составе лекарственных сборов. Все сходилось. Вот и нашлось объяснение чарующему аромату. Приятному, но неопределимому.

На втором ящике чары оказались покрепче. Я провозилась с ним минут десять, но на последней попытке меня ждал успех.

Тумбочка вздрогнула, скидывая заклятье, наложенное троллем. Я схватилась пальцами за медную ручку и дернула на себя. И уже через сотую долю секунды поняла, что сделала это зря.

Глава 5. О липких потолках, наглых лапах и неумении врать

Содержимое ящика полыхнуло голубым, разливая слепящее сияние по всей магистерской спальне. Загоняя тени в углы, в платяной шкаф и под кровать. Чутье подсказало, что сработало незнакомое мне заклятье. Поздно.

Я отпрянула от ящика-ловушки, но еще в прыжке ощутила, как ноги резко отрываются от земли. И меня магнитом тянет куда-то вверх. Воздух вокруг уплотнился, обернув тело в прозрачный, но прочный кокон. И вздернул к самому полочку!

Заорать смелости не хватило. Тролль знает, кто прискачет на мой вопль.

Шурховы чары распластали меня по гладкой, неприятно твердой поверхности, как коллекционную бабочку под стеклом. Заговоренный воздух зафиксировал расправленные в стороны руки и ноги. Накрепко прижал к потолку локти, пятки, поясницу, лопатки, запястья и затылок. И... так и оставил висеть, гад!

– У-у-у-уй... – тихонько простонала я, сдувая волосы с носа и обреченно поглядывая на три метра пустоты под собой.

Сияние исчезло, уступив место крошечному мраку. Ящик захлопнулся сам собой (насмешливо скрипнув напоследок!). В этом скрипе мне отчетливо послышались интонации Салливана. Видит тролль, это он установил в тумбе воздушную ловушку. Намеренно повесил слабые запирающие чары!

Интересно, кого он рассчитывал поймать с полочным? Ну... не меня же?

Или все-таки? Да ну нет!

– Вот... ведь... тро-о-олль...

В голове спешно прокручивались идеи, как выбираться из неловкого положения. Подвешенное состояние не грозило мне ничем приятным. Салливан мог вернуться в любой момент!

В спальне было довольно темно: тонкая прорезь штор впускала лишь немного лунного света. И тот серебристой полоской падал на смятую мной постель (магистр переживет: аккуратной жизни Салливана не повредит порция хаоса).

Темно – это хорошо. Оставался шанс, что Рандор не заметит моего присутствия. И... позволит провисеть тут до утра?

Тролль меня укуси. Это как минимум неприлично! А как максимум – крайне неудобно. Но не просить же его меня снять?

Я огляделась, насколько позволяла постыдная поза (ну точно муха, влипшая в невидимую паутину, в ожидании паука!). Висела я не так, чтобы над самой кроватью, а немного сбоку. Если чары вдруг истощатся, то упаду не на мягкие подушки, а вполне себе на шурхову тумбочку. Будет больно.

И кто придумал сделать в усадьбе Воронцовых такие высокие потолки? Ай да графиня, ай да совсем не мудрая...

Похоже, придется снова звать Квита на помощь. И еще не факт, что он сумеет вызволить меня из ловушки. Но уж нотацию непременно прочтает, пользуясь моей временной обездвиженностью.

Я поерзала на потолке, пытаюсь скинуть воздушные путы. Но те вцепились крепко. Вот ведь гадство! Снова Ава-катастрофа во что-то влипла. Причем самым натуральным образом.

Распластанная темным пятном по чужому потолку, я радовалась, что хотя бы не в платье. Кто же знал, что шурхов тролль окажется полон сюрпризов и защитит свои тайны воздушной ловушкой?

А может, и не тайны он вовсе защищал, а самого себя? А я своим вторжением нарушила ход вещей? Сейчас казалось логичным, что ловушка предназначалась Эвер Валенвайд, уже разок прокравшейся к Рандору в спальню... Вот только в изощренный капкан попалась я. Легкомысленная пташка по имени Аврора.

Разрезав плотный воздух, в мой нос влетела теле-маго-грамма. И принялась настырно стучать в переносицу, словно не видела, что руки у меня немного... эмм... заняты!

– Угомомниммсь! – промычала, ухватив наглуую картонку зубами и скосив глаза на расплывающийся текст. – Замримм!

«Ава, уходи из кабинета, если еще там! Собрание закончилось. Салливан сейчас вернется!»

Я раздосадованно выплюнула поутихшую картонку. Час от часу не легче. Легко сказать «уйди». В данный момент мне даже уползти – и то без шансов.

Закатив глаза к потолку (мы с ним успели стать единым целым), я смирилась с мыслью, что пора звать фамильного морфа.

– Кв-и... Умм.

Слова прилипли к небу вместе с языком.

Послышался щелчок: кто-то вошел в кабинет.

«Троль меня... Троль меня... Троль меня...» – гремело в голове бессвязно, беспощадно и гулко. Расслабленные, явно хозяйские шаги мерили пол кабинета за стеной. Салливан вернулся!

Оставалось беззвучно вопить от ужаса и стыда. Радоваться темноте и неистово молиться Судьбе-богине. Может, он где-нибудь в кресле уснет, а я тихонько Квита позову?

Мольбы не были услышаны. А если и были, то кое-кто (не будем показывать пальцем, все равно он к потолку прилип) их проигнорировал. Не запертая мной дверь распахнулась шире, и силуэт мужчины в проеме обволокло лунным светом.

Все та же белая рубашка, все тот же дурацкий хвостик... Все тот же нудный троль. Пока не подозревающий, что ему скоро придется читать очередную феерическую нотацию.

Я судорожно вдохнула и задержала воздух в груди, стиснутой стихийными чарами. И как мне объяснить магистру, что я забыла в его спальне? У-у-у-уй... Вляпалась так вляпалась! Увязла, как муха в сладком джеме.

Салливан устало прошелся по ковру, почти не издавая звуков. Бросил на тумбу какую-то книгу, прихваченную из кабинета в Пункте Связи. Выдохнул протяжно. Сдернул покрывало с постели, не заметив помятых простыней.

И принялся расстегивать рубашку.

Я тихонько прикрыла открывшийся было рот. Да морфову же бабушку... Этот троль и впрямь меня не приметил. Не подозревал о моем присутствии! И раздевался, спокойно готовясь ко сну после бесконечно длинного дня.

Троль! Раздевался! Прямо подо мной!

Воздух, заблаговременно набранный в грудь, как-то внезапно закончился.

Высвободив рубашку из брюк, Рандор подошел к окну и распахнул штору посильнее. Уставился задумчиво куда-то вдаль, невольно красуясь в бледном свечении ночи.

Этот горделивый профиль, ставший черной тенью на фоне окна... Пальцы, лениво перебиравшие пуговицы... Дразняще медленно выживавшие их из петель... Мне совсем дурно сделалось! Ни звук издать, ни вдохнуть нормально. И глаз отвести – тоже нельзя.

Белым всполохом ткань соскользнула с плеч и резким движением была отброшена на стул. Магистр так устал, что ему было не до церемоний с одеждой.

Мои глаза проскользили вниз по впадинке позвоночника. Поморгали, неуверенные в том, что прямо сейчас разглядывают частично раздетого мужчину. В режиме реального времени,

так сказать. Поползли вверх, от двух ямочек и дальше по спине, правильным, красивым треугольником расширявшейся к плечам. Уф-ф-ф...

Мужчина развернулся и тяжелым шагом пошел к кровати, глядя прямо перед собой. Явно мечтая поскорее упасть в постель и забыться крепким сном. И уж точно не рассчитывая, что я снова свалюсь ему на голову.

Ох, Ава... Бойся своих желаний. «Реальная пища для размышлений», которой так не хватало моей фантазии, разгуливала по шурховой спальне, как так и надо!

Пока я сглатывала непомерно большой комок, Салливан напряженно выдохнул и схватился за пояс брюк. Боги, а что, если он голый спит? То есть... вот прям совсем?!

Чертов извращенец... Гоблиншу ему в любовницы... Нельзя же так людей смущать?

С резким свистом замахнувшегося хлыста ремень покинул магистерские брюки. И я выдохнула. Чуть громче, чем стоило бы.

– Вы снова в моей спальне, княжна. И на этот раз я вас сюда не приглашал, – строго заявил мужчина, не поднимая головы. И слава троллям. Я от смущения уже тряслась и по красноте щек поспорила бы со свеклой.

– С-снимите меня, – велела, собрав всю свою волю в кулак. – Эта ваша воздушная ловушка какая-то бракованная!

– А выглядит сделанной на совесть, – усмехнулся шурхов магистр, поднимая глаза на распластанную по потолку меня. – Снять? И что мне за это будет, Карпова?

– Я немедленно удалюсь из вашей спальни. Вот прямо со скоростью света. И вы сможете наконец отдохнуть.

Я обворожительно улыбнулась (насколько это было возможно в столь идиотском положении). Понимала, что захожу с козырей. Избавить его от моего общества – что может быть ценнее?

Но что-то тролль подозрительно задумался. Словно инсталляция «Княжна Карповская на потолке» его более чем устраивала.

– Соглашайтесь, магистр. Здоровый, крепкий сон... – прошептала я максимально убедительно. И на всякий случай добавила: – А если не снимите сейчас же, я возомню себя птичкой. И перед рассветом ка-а-ак...

– Улетите? – предположил Рандор.

– Спою. Голос у меня красивый, но вот слух...

– Опустились до шантажа? – рассмеялся он.

– Поднялась. До потолка. В моем положении, знаете ли, все средства хороши, – выдохнула расстроено.

Салливан головы не опускал. И пялился на меня с неприкрытым интересом. Со всех сторон, надо сказать, неприкрытым! И потому мой интерес тоже скрыть было трудновато. Эти его шурховы волоски на теле... Мягкие, наверное?

– Вы куда с таким любопытством смотрите? – уточнил магистр.

– Прицеливаюсь, куда сваливаться. Рано или поздно ваши чары рассеются, и...

Договорить не успела. Салливан профыркал что-то ворчливо-ругательное, щелкнул пальцами, и я с тихим ахом оторвалась от потолка. И полетела напрямик в расставленные загребущие лапы. А вот это – ой.

Полет был коротким. Растерявшись в конец, я даже сгруппироваться не успела.

Магистр – плотьядных шурхов ему за пояс! – не воспользовался своим волшебным ветерком, чтобы хоть как-то притормозить мое падение и смягчить приземление. Поэтому я с оголтелым свистом в ушах плюхнулась ему прямо в руки и с размаху ткнулась носом в теплую грудь.

Пах он вкусно. Одурающе прямо! И очень опасно.

Наглые лапы схватили меня крепко и профессионально. Словно Салливан только и делал целыми днями, что девиц с потолков стряхивал. Меня прижали к твердому (и катастрофически неодетому) телу, обрывая полет. И не давая пошевелиться.

– Что у вас за привычка такая – на меня падать? – пробубнил мужчина сердито.

– Может, я ваша судьба? – фыркнула в теплую кожу, не признавая за собой особой вины.

– Да не дай богиня!

– И вообще... Вы сами меня все время хватаете.

Я завозилась в шурховых лапах, намереваясь поскорее выбраться из зоны поражения убийственного аромата. Напрочь лишившего меня способности мыслить здраво. И заставлявшего тайно коситься на расстеленную кровать.

– Ну и?.. – прохрипели в мою макушку.

– Что «и»?

– Нашли что-нибудь интересное?

– Я вовсе не затем сюда...

– Как любопытно! И зачем же юная мисс появилась в моей спальне среди ночи? – нахально уточнил Салливан, подбрасывая мое обмершее тело в лапах и устраивая поудобнее.

– Заблудилась. Искала кабинет. Для магической медитации.

В конце-то концов! Ему можно заплутать, а мне нельзя? И плевать, что я у себя дома и знаю тут каждый закуток.

– Врать вы не умеете.

– Вот еще! Я прекрасно умею врать. У меня знаете какие гены? – возмутилась его недоверию.

Салливан обошел кровать. Со мной в руках. Словно еще не решил, куда меня пристроить, и пока приглядывал местечко.

– Я думал, у вас гены по части попадания в неприятности и нанесения непоправимого ущерба...

– И эти тоже, – покаянно прошептала, с интересом разглядывая темный завиток у самого носа.

Машинально сжатые кулачки сами собой разжались. И пальцы потянулись... куда не следовало.

– Ох уж эта вездесущая наследственность...

– Может, отпустите меня уже? Пока я не... Пока...

«Пока я очередных глупостей, за которые будет стыдно, не наделала».

– Тогда вы убежите, сверкая пятками, Карпова, – задумчиво пробормотал Салливан.

– А вы что, хотите, чтобы осталась? – я подняла глаза на мужчину.

Точнее, на его заросший подбородок, кадык и крепкую шею. Жилка нервно пульсировала, выдавая напряжение. Челюсть то и дело сжималась. Похоже, дурацким вопросом я поставила магистра в тупик.

И правда, уж очень двусмысленно получилось. Черт, Ава! И вот вроде нет над тобой Индийской Правдолюбницы, а все равно чушь изо рта лезет.

И губы все время облизывать хочется. И покусывать нетерпеливо. И глаза сами на постель косятся...

Магистр наклонился к моему лицу и повел головой, отслеживая непослушный взгляд. Тоже посмотрел на расправленную кровать, чуть смятую моим недавним присутствием. Пальцы, впивавшиеся в эластичную ткань костюма, сжались. Ох, тролль меня...

Тролль меня что?

Я протолкнула дальше по горлу комок, порожденный волнительным предвкушением, смешанным с дурным предчувствием. Конечно, он меня не положит сюда. Есть ведь правила, Устав, мой папенька и все такое...

К тому же, он обещал. Дал слово, что никогда. Совсем никогда.

– Какая же вы... – подал голос Салливан, но запнулся.

– Заноза?

– Напасть. Прав был ваш отец. Как есть – напасть.

Кожа, спрятанная под тонкой тканью гимнастического костюма, уже плавилась от его горячих лап. Я торопливо отвела глаза от неприлично огромной кровати и проморгалась.

Рандор смотрел на меня прямо и неотрывно. Казалось, он все мысли мои успел прочесть. И без всякой там телепатии. Будто они идиотской мигающей надписью проступили на лбу и пылающих щеках.

Я вдруг ощутила себя такой беззащитной, такой уязвимой. Полностью открытой, практически голой. И до чертиков растерянной. Надо же было так вляпаться!

Но вместо того, чтобы закрыться, защититься от нудного тролля, я тихонько выдохнула и позволила своим дрожащим рукам упереться в магистерскую грудь. Вжала в нее похолодевшие пальцы. Так, словно оттолкнуть хотела.

Но... на самом деле, не хотела. И судя по тому, как рвано вздымалось чужое тело под моими ладошками, Салливан это прекрасно понимал.

– Признаться, вы привели меня в замешательство, – выдохнул Рандор. И с интересом покосился на мою неловкую попытку погреть руки на его полыхающей грудной клетке.

И когда я вдруг успела закоченеть? В Академии ведь хорошо топят...

– Мм? Зам-м-мешательство? – промычала растерянно, всеми силами делая вид, что происходящее – в порядке вещей.

Я вообще постоянно людям на голову сваливаюсь. А то, что полуголым и горячим... Ну так это уж издержки фирменного «везения».

А волосы, кстати, мягкими оказались. Приятными на ощупь, как и сам шурхов тролль. Наверное, это не очень прилично, магистров трогать?

– Я предполагал увидеть в вас застенчивость и девичью пугливость, которые вы умело прячете под наглостью, упрямством, беспечностью и ощущением вседозволенности...

– Я бы попросила!

– Был, знаете ли, уверен, Карпова, – продолжал медленно перечислять Салливан, покачивая меня в лапах, – что вы прилично смутитесь и сразу же себя обнаружите, стоит мне растянуть рубашку до середины... Как тогда, в купальне, в день моего приезда...

– Вы с самого начала знали, что я тут? На потолке? – я захлебнулась воздухом. – И стали раздеваться?!

Вот. Ведь. Тро-о-олль!

– Разумеется.

– Что?! – я обиженно стукнула кулачком в его грудь и заерзала ужом в нахальном захвате.

Скупой, равнодушный прямо-таки ответ выбесил до глубины, в целом, мирной и чело-веколюбивой души. До желания немедленно отправиться воровать новую экспериментальную кладку шурхов. И воплощать тайные угрозы в реальность, не дожидаясь их весеннего обострения!

– Эта воздушная ловушка оснащена сигнализирующим заклятьем. Вроде паутины, сообщающей пауку, что муха попала в сеть...

Я скривилась: ну и сравнение! Хотя влипла я и впрямь капитально. И в сеть, и в шурхового магистра. Лучше бы я правда пробы воды брать пошла. Всяко больше пользы.

– Добыча, правда, оказалась неожиданной, – ухмыльнулся чему-то магистр. – Не назойливой мухой, не жалящей осой... Не скалящейся летучей мышью, не гуляющей самостоятельно кошкой... А легкомысленной пташкой, прилетевшей на свет магического фонаря. Невинной бабочкой, совсем не боящейся обжечь хрупкие крылья.

– А кого вы рассчитывали тут застать? – уточнила ревниво. Каких еще ос, мух и кошек он тут разводит?

– Неважно. Сейчас это все не имеет значения, – задумчиво хрипел Салливан, разгуливая со мной по комнате. Словно экскурсию проводил, знакомя с интерьером. Даже жаль, что я все уголки шкафа уже облазила. – Так почему вы себя сразу не обнаружили, Карпова? Мм?

– Вы недооцениваете женское любопытство, – фыркнула равнодушно, стараясь коситься куда угодно, только не на темные, чуть выющиеся волоски перед носом.

– На брюках оно дало сбой...

– Мне не настолько любопытно! – отрезала решительно.

Так. Самую малость. Не более.

– Шпионка из вас никудышная, Карпова, – проворчал магистр, машинально покачивая, словно баюкая.

А я бы и не прочь была тут уснуть. Устала за день, издергалась, а тепло чужого тела рядом как-то... умиротворяло.

Уснуть! В логове тролля, в его огромных горячих лапищах!

Глупая пташка? Да вне всяких сомнений.

– Так что вы искали, княжна? И что нашли? – в голосе Салливана проявились раздраженные нотки.

Не трудно догадаться, что мое вторжение стало для него сюрпризом скорее неприятным.

Осуждение – в тоне, во взгляде – ранило сильнее привычной фирменной нотации, на которую тролль пока не сподобился. Надо же было попасться за такой глупой проделкой!

– Вы злитесь.

– Вы умеете спокойного человека довести до греха, – туманно заявил шурхов магистр.

Понять бы только, что именно его так задело? Я ведь не нанесла ни ему, ни его логову никакого непоправимого вреда. Так, только простыни слегка помяла.

Может, он догадался, что я узнала о его зависимости от дурацких индийских травок? Мужчины не любят признавать слабости. Но это он зря. Я ведь учусь на целительском и знаю, какие муки способна приносить хроническая магрень. Тем более, порожденная сломанным даром.

Или он был недоволен тем, что я испортила его ловушку, явно рассчитанную на дичь покрупнее. Или что подозревала его тролль знает в чем. Или... что снова на голову свалилась, да еще среди ночи.

А может, его так раздражали мои робкие прикосновения. Рандор поглядывал на мои пальцы неодобрительно. И сопел шумно и рвано, как раскаленный чайник.

– Зачем, Карпова? Зачем. Вы. Влезли. В мой. Кабинет? – сишло вопрошал Салливан, явно не планируя меня пока отпускать. – Вы ведь понимаете, что никуда отсюда не уйдете, пока во всем не признаетесь?

Пытка выходила своеобразной. Я совершенно не стремилась к побегу, так что план магистра был неидеальным.

– Ну?

– Я нашла только ваше лекарство от магрени! – протараторила на выдохе, пряча глаза и ежась в его руках. – Но вы зря этого стыдитесь. Нет ничего дурного в том, чтобы принимать обезболивающее и...

– Карпова!

– Я серьезно! – я стукнула ладонью по увитой мягкими волосками груди. Нечего меня перебивать! – Я врач. Больше по животным, конечно, но... Словом, я никогда бы вас за это не осудила. Это даже как-то обнадеживает, что и троллям не чуждо человеческое...

– Троллям? – с угрозой в голосе уточнил магистр, сжимая лапой мое неудачно подвернувшееся бедро.

– К тому же, Эустома волшебная – всесторонне полезная травка. И магический иммунитет укрепляет, и при облысении преждевременном помогает, и... В общем, ее где только не применяют. Будете здоровым, крепким, выносливым... Уверена, что уже, – вдохновенно вещала я, то и дело спотыкаясь на неприличных мыслях. – В смысле... Я не про то. Я в общем.

Я зарделась, некстати вспомнив про снадобье «Для мужской силы», которое у нас часто заказывали в аптеке Эстер-Хаза. Глэдис всегда хихикала, когда приходилось его варить. Госпожа Пламберри на это закатывала глаза и говорила, что лекарства нужны всякие. И ничего стыдного в том нет, если какому-нибудь гоблину оно потребуется. В конце концов, гоблинши имели внешность весьма... специфическую.

– Я неплохо осведомлен, Карпова, для чего используется это растение, – медленно выдал магистр, сжимая меня и второй лапищей. – Но не уверен, что «уже». Требуется проверка... эмм... эффективности.

– Полагаете? – я похлопала ресницами, даже не пытаясь вникнуть в его намек. Мне от одного взгляда дурно сделалось.

А взгляд этот сверлил расправленную постель, словно испепелить пытался. От греха подальше.

– Вы ведь не откажетесь стать добровольцем? – ехидно уточнил Салливан.

– Добровольцем... к-куда?

– Как же вы мне дорого обходитесь, – пробормотал магистр свое козырное и воздел глаза к потолку, где еще совсем недавно висела прилипшая я. – Рассказывайте, Карпова.

Затуманенный разум пришел к выводу, что добровольцем меня пока никуда не вызывают. И испытание чудодейственных травок откладывается. Вот какой этот шурхов посягатель... непостоянный!

Но пытка смущением продолжалась: теперь сероглазый тролль смотрел мне прямо в глаза. И с тяжелым вздохом я решила приступить к признаниям. Ночь не резиновая, а вещество в воде уже могло раствориться без следа.

– Этим вечером я видела на улице у озера мужчину. Вашего... эмм... телосложения.

Я окинула Салливана беглым придирчивым взглядом и осталась недовольна. Не магистром, конечно (в этом тролле все было совершенно). А своей нездоровой реакцией на него. К примеру, мне захотелось теснее к нему прижаться. И почему-то внутри все щекотно и восторженно взрывалось от этой неприличной идеи.

– Мужчину. И?

– Он был в плаще. В шерстяном, но очень похожем на ваш. И воротник был так же поднят, как вы носите, – я наморщила нос. Да правда же был похож! И ничего я не выдумала. Наверное. – Этот мужик что-то высыпал в воду из серебряной шкатулки и скрылся в лесу! Понимаете?

– С трудом, – фыркнул тролль-тугодум.

Джил и Софи я решила не впутывать. Неизвестно ведь, какое развитие получит история. Может, завтра меня усадят перед Малым Советом и накажут за вторжение в кабинет преподавателя.

Хотя вряд ли Салливан на меня нажалуется. Для этого магистру надо было как минимум выпустить меня из рук. А он держал мертвой хваткой. Словно от моих ответов зависело, выпустят ли меня вообще на свободу. Или сей же час начнут на что-нибудь посягать.

– Там мог быть яд или другое запрещенное вещество, – пояснила троллю. – Иначе зачем делать это тайно, если не желаешь никому навредить? Я отправила Квита проведать Атарину, а сама...

– А сами, вместо того, чтобы сообщить охране, понеслись сюда! – возмущенно запыхтел Салливан. – Проверять, нет ли у меня серебряных шкатулок, шерстяных плащей и запрещенных ядов?

– Сама не знаю, что ожидала найти! – я заерзала ужом в магистерских ладонях. – Просто действовала... по наитию...

Как минимум, я надеялась раздобыть теплый свитер. Мне еще на улицу выходить за пробами воды. Но не признаваться же в этом?

– Ох уж это ваше «наитие», – прорычал сквозь зубы Салливан, сжимая меня в руках покрепче и впечатывая в лохматую грудь, чтобы не ерзала. Так резко, словно начинал терять терпение. Или контроль. Или... голову. – А где в этот момент было ваше благоразумие?

– Какое еще благоразумие? – поперхнулась удивленно.

– Ах, да... Никакого, – признал ошибку магистр. – А если бы это и впрямь был я? И застал бы вас за глупой шпионской игрой? Вы хоть временами думаете о последствиях?! Так, для разнообразия...

Я картинно закатила глаза. А вот и фирменная нотация подоспела!

Да лучше бы и правда... добровольцем вызвал... куда-нибудь. А не вот это вот все.

– А вы хоть временами перестаете читать нотации? – проворчала, поудобнее устраиваясь в магистерских объятиях. Несмотря на демонстративные ерзания, я не так уж спешила их покинуть. – Когда спите там или моетесь? Ну, для разнообразия...

– А вы всегда чувствуете себя хозяйкой положения, да? – расфыркался Салливан. – Ходите, где хотите, влезаете, куда не следует... С детства привыкли кататься на радужных рогатых пони?

– На вервольфе. Одомашненном. То есть раньше каталась, – я вздохнула с ностальгическим сожалением. – Сейчас я стала тяжеловата для декана Осворта...

Что-то заковыристо простонав, теперь глаза закатил магистр. У него это тоже неплохо получилось. Профессионально прямо-таки.

– Надо было оставить вас на потолке. И лечь спать.

Рандор угрожающе оскалился. И оттого сильнее напомнил черного волка из Оранжереи, лишившего меня воздуха в легких, почвы под ногами и покоя в душе.

Пока воздух в легких имелся. Но со всем остальным Салливан снова справлялся на отлично.

– Тогда бы я уж точно свалилась вам на голову среди ночи...

– Чары крепкие, до утра бы их хватило, – с сарказмом в голосе заявил Салливан.

Я невольно покосилась на потолок. Как до утра?! А если бы Квит не откликнулся, а магистр решил загуляться до петухов?

– Уверен: не начни я расстегивать ремень, вы бы себя не выдали. Стойко и упрямо провисели бы до рассвета. Как шурхова люстра. У вас ведь все в порядке! Все схвачено и предусмотрено!

– Издеваетесь? – догадалась с опозданием.

– Немножко. Но, Судьба свидетель, я бы оставил вас там, если бы не одно щекотливое обстоятельство, – меня подкинули в лапах под сопровождение громкого вздоха.

– Какое?

– Сейчас ночь. А здесь моя спальня.

– И? – «недопоняла» я.

Подумаешь, спальня. Не впервой же.

– Можете не верить, княжна, но меня пока еще волнует репутация.

– Моя? – с надеждой уточнила у сказочного тролля.

– Моя.

– Не больно-то вас задели статейки в «Трибьюн», – напомнила, хитро шурясь.

Репутация его волнует, как же! И это говорит мужчина, притащивший вампиршу на бал аристократов-первокровок...

– И все же я не готов стать преподавателем, едва занявшим новую должность, но уже ослабившемся как...

– Ммм?

– Как человек, из кабинета которого среди ночи выбегают магически несовершеннолетние студентки, одетые в... что это вообще? – нахмурился Салливан, ощупывая пальцами складки на эластичных брючках.

– Костюм для магического растворения, расслабления, медитации и единения с дикой каплей, – поучительно выдала этому троллю.

– Словом, скорее раздетые, чем одетые, – вывел тот итог.

– Вы уж определитесь, хотите вы, чтобы я выбегала среди ночи, или нет, – рассмеялась я над опешившим видом мужчины, все еще размышлявшего в темноте, во что была упакована попавшаяся в лапы дичь. – И что из этого нанесет больший ущерб вашей бесценной репутации нудного тро...

– Карпова!

– Вы знаете, что не последовательны? Говорите одно, а делаете... И смотрите... И... В общем, вы совершенно невыносимы.

– А ваша матушка говорит, что я напоминаю ей вашего отца в молодости.

– Я это и сказала. Вы – невыносимы, – пожала плечами. – Вы потому раздеваться начали, что о своей репутации заботились? Или, может, о моей?

– А это тоже записано в вашем Уставе, как неправомерное действие? – ухмыльнулся с каким-то плотоядным интересом Салливан. – Если не затруднит, перечислите мне по пунктам, что именно входит в запретный список. Чтобы я точно знал, чего делать нельзя. А что можно.

Я надулась потревоженным морским иглошерстом. Намеренно смутить меня хотел! В краску вогнать! Опять не то издевался, не то проверял что-то. Как тогда, в Индии, под Правдолюбией. И на лестнице, и...

Ох. Зря я вспомнила о лестнице. И прочих «неправомерных действиях». Взгляд глупо уперся в твердые губы, сжатые недовольной полоской.

Видит тролль, еще пару минут в этих горячих лапах, и я сама его поцелую. Я ведь не обещала ничего. Но это стыдно, и моя наследственная гордость рода Карповских никогда бы...

Или эта история совсем не про гордость?

– Нет. Не записано, – я заторможенно покачала головой. – Там не такой уж большой список, на самом деле. Новая редакция Устава не осуждает добровольных отношений преподавателей и старшекурсников...

Черт знает зачем я вздумала просветить магистра на совершенно лишнюю, неловкую тему. У нас ведь нет с ним никаких отношений. А если и есть, то вряд ли их можно назвать добровольными. Вон как Салливан каждый раз ворчит, стоит мне ему на голову свалиться!

– Вы на что-то намекаете, или мне померещилось?

– Боги! Нет, конечно! Просто доношу до вашего сведения, что правила в нашей Академии достаточно современные, адекватные и либеральные. Ничем не хуже ваших, английских. После нескольких прецедентов в Уставе подправили пункт, запрещающий профессорам жениться на своих студентках...

– Ну, поскольку пару месяцев назад вы объявили себя абсолютно незаинтересованной в размножении и продолжать мой род гордо отказались... – с ехидными такими нотками завел шурхов магистр. – То, думаю, причин жениться на вас у меня, слава троллям, нет.

– Я хозяйственная, – зачем-то сообщила я.

– Вы все взрываете.

– Честная...

– Ой ли?

– И серебро фамильное чистить умею, – за каким-то троллем похвасталась я «сверхспособностями». Не зря же бабушка Энджи так старалась?

Замуж я, конечно, не собиралась (что я там забыла?). Тем более за вопиюще нудного тролля. Но одно дело, когда сам не хочешь, а другое, когда тебя туда демонстративно не зовут. Обидно как-то.

– У меня нет фамильного серебра, – равнодушным тоном признался мужчина.

– Могу вам свое одолжить. Предварительно хорошенько запачкав, – фыркнула, закатив глаза.

– Вот в таланте пачкать я действительно не сомневаюсь.

Как-то совсем не туда наш разговор зашел. И, судя по повисшей неловкой паузе, мы оба это заметили.

Вдох получился каким-то дрожащим, судорожным. И воздух не дошел до легких, застрял где-то на середине пути. Так толком и не надышавшись, я медленно выдохнула. По ключицам магистра и вверх по шее разбежались полчища мурашек. Твердые губы сжались плотнее, едва пропуская звуки.

– Карпова...

– Ммм?

Бросив тяжелый, чуть разочарованный взгляд на постель (да ненарочно я ее помяла, честное гоблинское!), Салливан вынес меня из спальни в кабинет. И быстрым шагом направился к двери.

– Уходите, княжна. А лучше – убегайте.

– Я не трусиха...

– Правда? – усмехнулся мужчина.

Ехидные, дразнящие искры в серых глазах смущали непомерно. И обещали слишком многое, чтобы так сразу, с разбегу это переварить.

Как-то незаметно меня на ручках донесли до двери и, распахнув ту, вытряхнули с другой стороны. Совершенно неделикатно!

– Спокойной ночи, Карпова.

Дверь захлопнулась перед моим ошеломленным носом. Феноменально! Вежливость горных (зачеркнуто) лондонских троллей во всей красе!

Но в каком-то смысле он, конечно, прав. Вспомнился мой постыдный «Ох», слившийся с хлестким свистом выдернутого из брюк ремня... Да, пожалуй, сегодня я немного трусиха. Чутьочку. К такому меня жизнь не подготовила.

На ватных ногах я сделала пару шагов по темному прохладному коридору. После объятий Салливана, в которых я задержалась до неприличия долго, было зябко. А свитер я так и не раздобыла.

Убедив себя, что происшествие в логове тролля окончилось для меня вполне безобидно, оптимистично и вообще в моих интересах, я потопала к лестнице. Пока Академия дремлет, надо выбраться на улицу, взять пробы воды и отнести в маглабораторию при Заповеднике.

Едва попадая ногами по плохо освещенным ступеням, я спускалась осторожно и неторопливо. В кои-то веки никуда не бежала. Тело вообще плохо слушалось после тесного общества одного магистра.

Это-то меня и спасло. Я успела завидеть две черные тени внизу и шмыгнуть в стенную нишу. Кто-то поднимался вверх.

Судя по шагам – мужчина и женщина. Джентльмен как-то неприятно, скользко смеялся. Отдаленно знакомо.

И кому могло понадобиться в столь поздний час шастать по Академии? В темноте? Ну, кроме меня, конечно.

Глава 6. О тайных встречах под луной

Я ножкой оттолкнула голубой световой шар, и тот медленно поплыл вверх по ступеням, позволяя мне закутаться в вязкий коридорный мрак.

Голые лопатки вмерзли в каменную стену. Внутри тоже все похолодело: я без труда опознала женский голос. Чуть раздраженный, чуть взволнованный... Мамин!

Зубы принялись отбивать чечетку. Время позднее, спутник ее – явно не папа... Если отец узнает о ночной прогулке, вся демоническая суть вырвется наружу. Останется ли хоть камень от Академии – большой вопрос.

Боги, мама, что ты творишь?

Я ведь лично, вот этими любознательными ушами слышала, как она согласилась с папенькой, вежливо попрощалась с собравшимися в Пункте Связи и отправилась наверх отдыхать. Якобы дурно себя почувствовав.

Но, видимо, не согласилась. Не послушалась. И сбежала! А потом кто-то еще удивляется, в кого у меня такие упрямые, непоседливые гены...

Пара дошла до моего пролета и притормозила у окна, еле справлявшегося с функцией освещения. Ночь выдалась хмурой и облачной, Луна почти не показывалась. Темный абрис мамино красивого профиля едва угадывался, сливаясь с мраком.

– Анна... Я приятно удивлен, что вы согласились на эту встречу. Похоже, вы устали бегать и готовы сдать? – сально хохотнул мужчина.

И я тут же узнала наглеца, осмелившегося гулять с женой ректора под покровом ночи. Он давно уже первый в очереди к Монстроглазу.

Бехтерев! Мерзкий отец Микаэлле, до этой поры вызывавший в маме лишь отвращение. Зачем она согласилась?

– Надеюсь, вы не станете распространяться о нашей встрече, – с каким-то едким подтекстом фыркнула мама. – И рассчитываю на вашу... эмм... «порядочность».

И столько издевки было в ее тоне, что сразу стало понятно: уж на что, на что, а на порядочность Бехтерева она не рассчитывает. Может, это и есть тайный план по избавлению от остатков комиссии? Дать отцу официальный повод прикопать их в оранжереях?

Мама по-хозяйски присела на подоконник, неспешно расправила складки платья на коленях, погладила живот и скрестила руки на груди. Отгораживаясь от неприятного собеседника, но выражая намерение его выслушать.

– Я хотел поговорить с вами... о многом, – вкрадчиво произнес мерзавец. – И предложить... многое. Взамен на...

– Позвольте сначала мне, – она гордо вскинула подбородок. – Ваша дочь могла оказаться под магтрибуналом, господин Бехтерев. Вас это не волнует?

– Девочка просто заигралась. Она истинная дочь Вяземских, в ней много... хм...

– Властолюбия? Эгоизма? Уверенности, что ей ничего не будет за отвратительные проделки? – спокойным тоном перечисляла мама.

А я вглядывалась в силуэт мужчины, приблизившегося к ней на непозволительно интимное расстояние. Плащ. На нем был длинный черный шерстяной плащ с поднятым воротником!

Уверена, на сапогах обнаружится и лесная грязь, смешанная с хвойным опадом.

– Никто не желал причинить вред Авроре Андреевне, – кашлянув в кулак, примирительно выдал Бехтерев. – Могу вас в этом заверить. Нелепая случайность, детская шалость.

Я скривилась и снова подумала о шурховом тролле, недавно выпустившем меня из своих лап. Таких безопасных и надежных, что их сейчас остро не хватало. Каждый нерв уязвимо, замерзшего тела явственно ощущал эту необходимость. Нужность.

Если бы не Салливан, эта «детская шалость» стоила бы мне жизни. Надо было его все-таки поцеловать. А потом уже сбежать за дверь, сверкая пятками в темноте. И пусть бы делал с этим, что хочет!

– И вас совсем не смущают методы, которыми действует ваш тесть? – равнодушно уточнила мама.

– Почему они должны меня смущать? – хмыкнул надменно мужчина.

Даже не знаю, что надеялась в нем обнаружить мама. Сострадание? Чувство вины? Нежелание участвовать в интригах старого гоблина Вяземского? Да этот Бехтерев наоборот очень горд, что присоединился к знатному роду потомственных интриганов! Аж расцветает, именуя себя графом!

– Я видела ваши глаза, когда погибла Милли. Вы не ожидали, что зайдет так далеко, верно?

– Комиссия не имеет никакого отношения к происшествию с миссис Мерг, – механическим голосом отчеканил нахмурившийся собеседник.

Если вдуматься, он был красив. Не так породист, как папа, и не так располагающе улыбочив, как Брендан... Но надменный профиль с гордым подбородком, разлетом широких черных бровей и орлиным носом с горбинкой вполне мог кому-то понравиться.

– Я не питаю иллюзий. Знаю, что вы способны ударить в спину, – спокойно отреагировала мама. – Но мы тут недавно общались с госпожой Пруэтт, вернувшейся из Индийского университета. Она рассказывала, как крепко и фанатично местные верят в кармическое возмездие... Не бойтесь отворачиваться, когда позади стоит граф?

– Надеетесь заманить меня на вашу сторону? – усмехнулся мужчина. – Боюсь, понадобится больше, чем похлопать красивыми черными глазами... Что вы можете предложить взамен, Анна? Кроме всей этой ненужной философии? Мы оба знаем, что я та еще сволочь и всегда ищу своей выгоды.

– Я никогда не была сильна в кокетстве, господин Бехтерев.

– Ошибаетесь. Вы всегда действовали на мужчин весьма... нездоровым образом, – пробормотал он в кулак и потер подбородок. – Вы расстроили мой брак. Сообщили в «Трибьюн» о глупой юношеской шалости, едва не разрушив мою жизнь. Мне нужна компенсация ущерба.

– Не похоже, что брак расстроен. Вяземский все-таки стал вашим тестем, – мама равнодушно пожала плечами. – И даже выкупил «Трибьюн», чтобы печатать там несусветную чушь, игнорируя истину.

Бехтерев резко подался вперед, оперся рукой об оконную раму и навис над матерью. Та, впрочем, даже не шелохнулась.

– И все же, это было довольно низко, не находите, княгиня? – прошипел он обиженно.

– Вы соблазнили мою лучшую подругу и собирались ее опозорить, – напомнила мама, глядя на мужчину с неприкрытой неприязнью.

– Я прощался с холостой жизнью, только и всего. Хотел приятно провести время перед походом к алтарю. И я никогда не обещал малышке Дженни жениться, – фыркнул он. – Если она что-то там себе напридумывала...

– Какая же вы сволочь.

– Принимается, – сально ухмыльнулся Бехтерев.

– Я не сообщала ни в «Трибьюн», ни Вяземским. Поверьте, у меня той ночью были совсем иные заботы, – холодно заявила мама. – А ваша мелочная мстительность, основанная на идиотских догадках, чуть не стоила мне... И не только мне...

Она осеклась и отвернулась к окну. Снова разгладила складки на юбке, словно успокаивая себя и уговаривая не раздражаться.

– Уговорили. Забудем. Теперь я граф...

– И как оно? – рассмеялась матушка. – Ваше семейство так хотело породниться с Вяземскими, что вы и понять не успели, в какой змеючник угодили, да? По сравнению с ними вы безобидный ужик...

– Полагаете, Анна? Не боитесь меня недооценить?

– Боюсь переоценить, – честно ответила мама. – Понадеялась, что за эти годы в вас осталась хоть капля разума. Или хотя бы чувство самосохранения.

– Я Вяземский. Мне нечего опасаться, в отличие от вас, княгиня Карповская.

– Как бы вы ни кичились титулом, вы не член семьи. Не Вяземский по крови. И сомневаюсь, что вы храните верность супруге...

– Почему вас это интересует? – растянул губы в едкой гоблинской улыбочке этот гад. – Намерены меня соблазнить? Заскучали в обществе мрачного ректора? Я не буду сильно сопротивляться: мне давно интересно, какая вы на вкус, Анна...

– Дуэль с Мрачным Ректором окончится для вас куда печальнее, чем с Елисеем, – хмыкнула беззлобно матушка, не удивившись его выпадку и даже не оскорбившись картинно. – Гадание не соврало, вы грязная карта... Распутная.

– Осуждаете? Зря, Анна. Нет ничего глупее, чем судить того, кого совсем не знаете, – бросил Бехтерев. – Брак по расчету редко бывает счастливым. Моя супруга оказалась весьма неприятной особой. Уверен, даже с глупышкой Джен мне было бы куда веселее. Так что приходится как-то компенсировать этот недочет... Как вы верно заметили, я эгоист и мстительная сволочь. Меня волнует только моя жизнь. И ничья другая.

– А вам еще не показывали комнатку в секретной секции Дворцовой Оранжереи? – коварно усмехнулась мама, явно зная больше собеседника. – Похоже, вы пока не успели разочаровать старика... Но, поверьте, от вас он избавится без особых сожалений. Наследницу с хорошей магической генетикой вы ему уже обеспечили. Уверена, часть грязных дел граф поручает вам. Все эти пакости в Заповеднике... Не отпирайтесь! – мама вскинула руку в останавливающем жесте, едва мужчина возмущенно дернулся. – У меня все равно нет доказательств. Но партия слишком серьезна, а вы в ней – разменная монета. И играете не за того парня.

– Ошибаетесь, Анна, – Бехтерев хитро подмигнул. – Граф уже стар и дряхл, и в скором времени новый старший мужчина рода займет его место...

– Боюсь, что заблуждаетесь как раз вы. Если я верно поняла его намерения... Его страстную тягу к моей территории, способной оживить древнее, укрепить слабое и возродить забытое... То все эти угрозы и интриги – все ради одной цели. Ничуть не благородной и до омерзения эгоистичной.

– Какой же?

– Граф не планирует умирать. Полагаю, он собрался жить вечно, – пожал плечом мама.

– Что за вздор, княгиня! – рассмеялся тот недоверчиво. – Даже высший маг, великий Августус Блэр, не смог обеспечить бессмертие ни духа, ни плоти. Мой тесть далеко не так способен, силен и даровит, как хочет казаться...

– Это для меня не секрет. Как и то, что он зубами цепляется за бесценную жизнь и очень боится смерти.

– Ему интересна земля Воронцовых и ее магический фон, – проворчал мужчина. – Вы сидите на бесценном ресурсе. На золотой жиле. Через несколько лет только здесь смогут выживать редкие растения и животные, дающие ингредиенты для важных зелий. Граф лишь хочет грамотно вложить средства и обеспечить свой род.

– Все так, но... не так. Он десятилетиями коллекционирует диковинные растения в запретных секциях своей Оранжереи. А еще – древние артефакты и старинные книги, и никому – даже приближенным – их не показывает, – заговорщицким шепотом пробормотала мама. – И есть у него кое-что...

Она спрыгнула с подоконника и двинулась вверх по лестнице, не сомневаясь, что Бехтерев поплетется за ней. Световой шар, почуяв хозяйку, поскакал впереди, периодически возвращаясь и лапаясь к ее ногам, как радостный щенок. Разве что не повизгивал и хвостом не вилял. А затем снова принимался за важную работу – освещал путь княгине Карповской.

– Из хранилища рагнаров, разграбленного два десятилетия назад, пропало несколько книг. Мы не сразу заметили, отвлеклись на арканов. Но год спустя, сверяясь со списками, мой крестный обнаружил нехватку. Ни в логове арканов, ни в имении Кавендишей, ни в замке Блэра книг не нашли.

– И что?

– Пропал философский трактат «Тайны вечной жизни: теории и практики высших магов», написанный в начале тринадцатого века одним английским отшельником-чудотворцем.

– Философский! Трактат! – хохотнул мужчина.

– Глупость, согласна. Книга была отмечена рагнарами как «бесполезная», так как ингредиенты для «зелий, способных одарить бессмертием» иссохли, вымерли, выродились и истлели пять столетий назад... Задолго до рождения Блэра, о котором вы так некстати вспомнили. Августус был силен и мечтал о великих деяниях. Старик Вяземский слаб, но хитер, и думает лишь о том, как отсрочить смерть...

Мама притормозила на лестнице, схватилась за перила и шумно вдохнула. Так, словно ей подурнело, но она никогда бы не стала в этом признаваться и уж тем более просить о помощи.

– Все его заботы о судьбе магии целого мира – ширма для личных целей, Антон, – мать впервые обратилась к мужчине по имени, и он, ступая за ней в темноту, дернулся от неожиданности. – Вы его хорошо знаете. Правда хотите, чтобы *такой человек* жил вечно?

– Да с чего вы взяли, что идиотский трактат у него? – скептически уточнил он.

– С того, что Верховный Совет годами прикрывал глаза на деятельность Братства арканов. И не спешил ввязываться в войну с Блэром, всеми силами стараясь в нее не верить, – горько усмехнулась мама. – Уверена, граф преследовал свой интерес. Лукас ему что-то пообещал... И, видимо, сдержал слово.

Под размеренный стук маминых каблучков голоса отдалились и стихли. Я зажмурилась. Троль меня укуси. Это что получается – старый гоблин планирует жить вечно?

Что ж, графа ждет болезненное разочарование: мой папенька вряд ли с этим согласится. И уж точно не позволит провернуть аферу за наш счет.

Я потерлась плечами о холодные камни и медленно отлипла от стены. Направилась вниз, в фойе. Пробы, пробы... Если Софи взяла след, а вещество не успело раствориться, у нас будут хоть какие-то доказательства против гнусного Бехтерева. Теперь я не сомневалась, что у озера был именно он. Даже стыдно стало, что я на секунду заподозрила Салливана, такого теплого, твердого, вредного и...

ТЬфу ты!

Стараясь размышлять о Кошее, вздумавшем стать Бессмертным, а не о волосках на груди... ТЬфу ты! А не о лишнем и ненужном, я добралась до парадной залы. Пробежала мимо галереи с портретами предков, привычно нашла глазами Аврору, в темноте показавшуюся опечаленной.

Блэр... Тот самый Темный Принц, что украл ее сердце и заставил принять самое сложное в жизни решение... Я помню, как мама рассказывала о нем. Конечно, в детстве все приобретало форму легенд и страшных, но поучительных сказок на ночь. Но позже я поняла, что в историях было много правды «из первых уст».

Так вот, однажды мама поведала, как Великий и Ужасный (но временами Бесштаный) Темный Принц мечтал вернуть в мир Высшую магию.

Он надеялся раскрыть все скованные дикие капли и укрепить фон. Возродить утерянные виды, дать силу забытым заклятиям. Вернулись бы кентавры и ихтиоподы, драконы и горгульи... И многие существа, ныне считавшиеся мифическими. Цели его находили отклик в моей душе, а вот методы...

Похоже, Вяземский очень рассчитывал, что Блэра ждет успех. Ведь если вернуться вымершие существа, то и с ингредиентами для забытых зелий вопросов не возникнет. А тот, кто хранит тайну бессмертия, станет очень ценной фигурой нового мира...

Но Августуса ждал не успех, а поражение. Заканчивалась мамина сказка всегда одинаково.

«Принца постигла неудача, потому что он не знал, как выглядит настоящая Высшая магия, Ава. Он не умел любить».

«Совсем не умел?» – расстроено спрашивала я, отчего-то жалея несчастного. Иметь внутри холодное сердце – что может быть хуже?

«Может, когда-то давно и умел. Но делал он это странно, неправильно... Разве может истинно любящий отказаться от половинки самого себя?» – удивлялась мама, закутываясь глубже в воспоминания. – Разве поставит он великую цель выше своей единственной?»

«Наш папа бы никогда...» – кивала я с пониманием, и мама улыбалась. Тепло и счастливо. Полностью уверенная, что да, «наш папа бы никогда».

«А потом, столетия спустя, Августус и вовсе разучился чувствовать. Или забыл, каково это. Он слишком долго был скован в собственной плоти, изглоданный разочарованием и сожалениями, ощущая себя преданным... И стал совершенно холодным. Каменным. Он окончательно потерял способность согреть жаром сердца. И потому не мог знать, на что способна настоящая любовь».

«На что, мам?» – спрашивала Ава-непоседа, не желая засыпать так рано.

«На все, обезьянка. Ты поймешь... потом, – мама неспешно гладила меня по волосам. – Если кто-то скажет, что Высшая магия нашего мира умерла, истлела, – не верь. Она навсегда в нем осталась. Она живет вот здесь».

Мама мягко тыкала пальцем мне в грудь, накрывала одеялом и гасила свет.

***

Запутавшись в детских воспоминаниях, я с разбегу налетела на Джил.

– Ава! Аккуратнее! – прошипела подруга, хватая меня за локоток и отводя в темный угол. – Ты чего так долго? Я уже полчаса тебя тут жду...

– Не все пошло по плану, – пробубнила, опасно озираясь.

В фойе было так темно, что мрак казался осязаемым, плотным. Только зеленые глаза Джил мерцали дивными хризопразами прямо перед моим носом.

– А когда оно по нему шло? – вздохнула удрученно леди Кавендиш, перехватила мое запястье и потянула за собой. – Я волновалась, Ава. Думала, ты застряла в кабинете магистра.

Ох, знала бы Джил, как права. Уж застряла так застряла. Влипла прямо-таки. Еле выпуталась.

– Собрание давно закончилось, и я ушла следом за Салливаном... – продолжала озабоченно тараторить подруга, таща мое замерзшее тело по коридору больничного крыла. Вспомнилось, что в палате есть зачарованные термопледы. Они были бы очень кстати. – А я говорила, что идея плохая. Магистр мог вернуться в любой момент! И тогда...

– А он и вернулся, – сквозь сомкнутые зубы проронила я, усиленно делая вид, что ничего такого не произошло.

– Что? – Джил резко затормозила и развернула меня к себе. – И как ты выбралась?

– Я не выбралась.

– Он тебя застукал?! – подруга закашлялась.

– Он меня...

Да чего он только не сделал! Схватил, смутил, к себе прижал, заболтал до потери памяти и в итоге бесцеремонно за дверь выставил!

– Застукал, да.

– И как... отреагировал?

– Давай не будем об этом, ладно? – я потеряла алеющие щеки.

– Еще как будем, Ава! Я должна знать, что говорить на заседании Малого Совета в твою защиту, – подруга наморщила лоб. – Ладно. Надо подготовиться. Сверить показания. Ты ведь наверняка наследила и...

– Стой. Эмм... не надо никаких показаний, – я скривилась и почесала висок. – Он не станет выносить это на Совет.

– Ты зря надеешься на мужское благородство, – строго заметила Джил. – Я, конечно, верю, что магистр Салливан – истинный джентльмен, но в первую очередь он уважаемый преподаватель с отличной репутацией и...

«И не желает, чтобы кто-то увидел, как из его спальни среди ночи выбегают слабо одетые студентки, предварительно им облапанные».

– Плевать ему на репутацию, – проворчала я, обнимая себя за плечи. Чужого тепла им остро не хватало.

Почему-то я была уверена, что правилами и уставами Салливан просто прикрывался. А выдворил он меня из своей спальни по какой-то другой причине, совсем не связанной с репутацией. Не верилось, что он хоть чего-то опасается.

– Пойдем, – собралась я с духом и повернула к выходу. – Надо взять пробы.

– Я уже была у озера, – остановила меня Джил и снова потащила к больничному. Что ж такое. – Взяла пробы, поговорила с водой. С ней что-то не так, но она не отравлена. Атарина в порядке, только жалуется на запах и неприятный вкус.

Я обессиленно привалилась к стене. Да что ж все так сложно-то? И ничего не понятно! Зачем Бехтереву менять вкус и запах в озере? Глупость какая-то. Несерьезная пакость из вредности. После раненой шмырлихи и закинутой в овраг Сажельки это как-то... мелковато.

– Это отец Микаэлы был. Я видела его в том самом плаще. И он только что подписал себе смертный приговор.

Я удовлетворенно ухмыльнулась. Место под Монтроглазом за ним давно закреплено, а уж после приставаний к матери...

– Дождемся, что скажет Софи. У нее отличный нюх на магов. Прямо как у тебя на неприятности.

– Угу.

В больничном отделении было темно и прохладно. Глэдис давно ушла спать, а на ночное дежурство с некоторых пор никто не оставался. Людей не хватало.

Следующий час мы с Джил возились с пробирками и реагентами. Каким только процедурам не подвергали пробы, но по всему выходило, что вещество абсолютно безвредно. И для людей, и для существ, и для растений. И что бы это все значило?

– Все равно надо сообщить твоей маме, – занудным тоном вещала Джил, потряхивая в руках последний раствор. В бледном свете голубого шара тот казался лиловым, но это единственное, что смущало. Все закликая в унисон шептали: «безопасно».

– Схожу, – я понуро опустила плечи. Сейчас придется объясняться, почему я до сих пор не в постели и шастаю по Академии в наряде, далеко от приличного.

Бормоча проклятия и растирая задубевшие плечи, я доплелась до родительской спальни. И уже занесла руку над дверью, как услышала бодрый топот на том конце коридора. Так чеканил шаг только господин ректор. Поправочка: раздраженный, намеренный убивать господин ректор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.